

Рейнхарт Дози

МАВРИТАНСКАЯ ИСПАНИЯ

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР О ЖЕСТОКИХ СРАЖЕНИЯХ
ЗА ВЛАСТЬ И ТЕРРИТОРИИ,
О ХИТРОУМНЫХ ПРИДВОРНЫХ ИНТРИГАХ

ЭПОХА ПРАВЛЕНИЯ ХАЛИФОВ
VI—XI ВЕКА

Рейнхарт Дози

**Мавританская Испания. Эпоха
правления халифов. VI–XI века**

«Центрполиграф»

1861, 1881

УДК 94(460).021

Дози Р.

Мавританская Испания. Эпоха правления халифов. VI–XI века /
Р. Дози — «Центрполиграф», 1861, 1881

ISBN 978-5-227-08377-7

Мусульманский мир Испании в исторических портретах знаменитых государственных мужей, завоевателей и поэтов, а также в живописных и подробных картинах хозяйственной, культурной, бытовой жизни далеких VI – XI веков представлен со всей возможной полнотой в масштабном труде Р. Дози. Начав с зарождения ислама в Аравии, жизни пророка Мухаммеда и первого появления арабов в Испании, автор уделил особое внимание эпохе Аль-Андалуса – «золотого века» расцвета науки, искусства и религиозной терпимости, и завершил свое повествование изгнанием Альморавидов из страны в конце XI – начале XII века.

УДК 94(460).021

ISBN 978-5-227-08377-7

© Дози Р., 1861, 1881

© Центрполиграф, 1861, 1881

Содержание

Предисловие	6
Книга первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Рейнхарт Дози
Мавританская Испания
Эпоха правления халифов
VI–XI века

© Перевод, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Предисловие

Историей Испании, особенно мавританской Испании, я интересовался в течение двадцати лет и еще до начала работы над этой книгой уделял много времени сбору материалов по всем библиотекам Европы, их изучению, сопоставлению, а в ряде случаев и редактированию.

Тем не менее я не испытывал уверенности в себе, представляя эту книгу миру. В ней я пошел по непроторенной дороге, поскольку существующие трактаты на эту тему совершенно бесполезны. Практически все они основаны на трудах Конде, то есть на трудах автора, имевшего в своем распоряжении лишь ограниченную информацию, который не сумел, ввиду своей недостаточной лингвистической квалификации, правильно понять доступные ему материалы и который не обладал способностью осмысливать и отображать исторические процессы. Поэтому передо мной встала задача не только изложить в более правильном свете факты, искаженные моими предшественниками, или сообщить о новейших открытиях. Наоборот, я счел необходимым тщательно рассмотреть вопрос, начиная с его корней. И если новизна предмета исследования была одним из привлекательных моментов, она же оказалась источником многочисленных трудностей.

Думаю, я могу по праву заявить, что проанализировал практически все манускрипты, сохранившиеся в Европе, которые имеют отношение к истории мавров, и сознательно не пренебрегал ни одним из аспектов проблемы. Но поскольку в мои намерения не входило создание сухого и высоконаучного трактата, предназначенного для узкого круга читателей, я воздержался от перегрузки текста избытком мелких деталей. Насколько это было возможно, я старался придерживаться литературных канонов, которые предписывают, чтобы в историческом сочинении выделялись отдельные конкретные факты, а все остальные являлись для них вспомогательными. Поэтому мне пришлось не только сжимать до нескольких строчек текста труды многих недель, но также обходить молчанием многие проблемы, не лишённые интереса для специалистов, но не вписывающиеся в общий замысел.

Более того, хотя я не жалел усилий, чтобы придать этой истории точность и актуальность, уверен, что чрезмерное проявление эрудиции не добавляет живости и яркости тексту. Поэтому я старался воздерживаться от частого использования ссылок и цитат. Но хотя я считаю, что в подобных книгах может найти место только результат, в отрыве от научного аппарата, с помощью которого он достигнут, я старался указывать авторов, на трудах которых основаны мои утверждения.

Мне остается только поблагодарить моих друзей, которые оказали мне бесценную помощь в подготовке этой книги.

Книга первая

Гражданские войны

Глава 1

Бедуины

Пока Европа век за веком шла по пути прогресса и развития, основной характерной чертой бесчисленных племен, кочевавших со своими палатками и стадами по огромным и засушливым пустыням Аравии, была неизменность. Сегодня они такие же, какими были вчера и какими будут завтра. Они не знали ни движения вперед, ни изменений. Бедуин сохранял во всей своей чистоте дух, вдохновлявший его предков в дни Мухаммеда, и лучшие комментарии по истории и поэзии арабов-язычников – это описание привычек, обычаев и образа жизни бедуинов, данные путешественниками того времени. Историк Э.Г. Палмер писал: «Я верю, что не только в обычаях и образе жизни, но даже в костюме и речи сыновья Исмаила сегодня такие же, какими были в дни патриархов».

Но у представителей этих кочевых народов хватает и интеллекта, и энергии, необходимых для расширения границ района обитания и улучшения условий жизни, если бы они этого хотели. Если араб-бедуин не двигается вперед, если он остается в стороне от самой идеи прогресса, то лишь потому, что ему безразличны материальные удовольствия, которые дает цивилизация. Он не хочет менять свою судьбу. Бедуин с гордостью считает, что является совершенным образцом живых существ. Он презирает другие нации только потому, что они не арабы, и верит, что бесконечно счастливее, чем цивилизованный человек. Любые условия жизни имеют преимущества и неудобства, однако надменность бедуина вполне понятна. Ведомый на самом деле не философскими принципами, а своего рода инстинктом, он легко претворяет в жизнь, причем с незапамятных времен, вдохновляющий лозунг французской революции: «Свобода. Равенство. Братство».

Что касается свободы, ни один человек на земле не унаследовал ее больше, чем бедуин. «Я не признаю никакого хозяина, – утверждает он, – кроме Владыки мироздания». А свобода, которой он пользуется, имеет так мало ограничений, что по сравнению с ней доктрины наших самых продвинутых радикалов становятся максимами деспотизма. В цивилизованных государствах то или иное правительство является необходимым и неизбежным злом – злом, которое есть непременное условие добра. А бедуин легко обходится без него. Да, у каждого племени есть выбранный вождь; но этот вождь – просто влиятельная личность. Его уважают, к его советам прислушиваются, особенно если он хороший оратор и умеет говорить экспромтом. Но он не имеет права отдавать приказы. Он не только не получает жалованья: от него ждут, а иногда даже он вынужден, подчиняясь общественному мнению, помогать бедным, делить с друзьями бакшиш, который получает, и предлагать путникам более щедрое гостеприимство, чем могут себе позволить другие члены племени. Он обязан постоянно консультироваться с советом племени, который состоит из глав семейств, входящих в клан. Без согласия этого собрания нельзя объявить войну, заключить мир и даже разбить лагерь.

Титул шейх, даваемый племенем одному из своих членов, зачастую немногим больше, чем пустой комплимент. Это публичное признание заслуг, уважения, которым пользуется этот человек, формальное свидетельство того, что его получатель – способнейший, храбрейший и самый щедрый из них, больше всех заботящийся о благополучии племени. Мубаррад приводит цитату: «Мы не даем этот титул человеку, – говорит араб древности, – если он не отдал нам

все, что имеет, если он не позволил нам растоптать ногами все, что ему дорого, и не оказал нам услуги, которых мы ждем от рабов».

Довольно часто власть вождя настолько ограничена, что почти незаметна. По утверждению Мубаррада, Арабу, современника Мухаммеда, однажды спросили, как он стал вождем племени. Сначала он отрицал, что занимал этот пост, но потом ответил: «Когда на долю моих соплеменников выпали невзгоды, я дал им денег; когда один из них совершил проступок, я заплатил за него штраф; я укрепил свой авторитет, благодаря доверию самых отзывчивых членов племени. Тех моих товарищей, которые не могут сделать столько же, уважают меньше; те, кто может сделать столько же, – моя ровня; тех, кто может сделать больше, ценят больше». Тогда, как и сейчас, вождя можно было сместить, если он не способен занимать этот пост или среди соплеменников найдется другой человек, более храбрый и щедрый.

Хотя абсолютного равенства нет даже в пустыне, там к нему подошли ближе, чем в других местах. Бедуины не признают неравенства в социальных отношениях – они ведут одинаковую жизнь, носят одни и те же одежды, едят одинаковую пищу – и плутократии среди них, предположительно, нет. В их глазах богатство не достойно уважения. Презирать богатство, жить сегодняшним днем, пользуясь добычей, полученной им, благодаря собственным боевым качествам, растратив свое наследственное имущество на пышное гостеприимство, – таков идеал арабского рыцаря. Презрение к богатству, безусловно, свидетельство великодушия и философского спокойствия. Однако следует помнить, что богатство не столь важно для бедуина, как для другого человека, поскольку его владение собственностью является в высшей степени ненадежным и она в любой момент может улетучиться. «Богатство приходит утром и уже вечером уходит», – пишет арабский поэт, и в пустыне это утверждение можно понимать буквально.

Поскольку он ничего не понимает в сельском хозяйстве и не владеет землей, единственное богатство бедуина – его верблюды и лошади; на них он никак не может рассчитывать. Когда враги нападают на племя – а это очень частое событие, – они угоняют всех животных, и вчерашний богач может сегодня оказаться бедняком. Но завтра он отомстит и снова станет богатым.

Абсолютное равенство может существовать только в естественном состоянии, а «естественное состояние» – простая абстракция. До определенного момента бедуины живут на основе взаимного равенства, но их уравнилельные принципы никоим образом не распространяются на человечество в целом. Они считают себя выше не только рабов и ремесленников, которые работают в лагерях, но и всех прочих людей. Они утверждают, что вылеплены из другой глины, не той, из которой вылеплены все остальные люди. Естественная неодинаковость приносит социальные различия в их ряды. И если богатство не приносит уважение и внимание бедуину, щедрость, гостеприимство, смелость, поэтический талант и красноречие дают ему намного больше. Налегха, поэт, пишет так: «О, Боже, сохрани меня от молчания в беседе». Хатим из племени таи, прославившийся своей безграничной щедростью, утверждает: «Людей можно разделить на два класса – холуи, которые получают удовольствие, накапливая богатства, и возвышенные души, которые ищут славу, даваемую щедростью».

Аристократия пустыни – «цари арабов», как их назвал халиф Омар (Умар)¹, – ораторы и поэты и все те, кто практикуется в добродетелях. Плебеи – люди злые и порочные, не знающие этих добродетелей. Бедуины никогда не знали привилегий или титулов, если не считать титулом фамилию al-Kamil – Совершенный, – с древности даваемую человеку, который, кроме поэтического дара, обладал еще и храбростью, великодушием, знанием письма, умением плавать и сгибать лук. Тем не менее благородное рождение – которое, если его правильно понимать, накладывает большую ответственность и связывает вместе поколения – существует даже среди

---

¹ Ввиду сложности и отсутствия единообразия в русской транслитерации арабских имен в книге сохранено их авторское написание. (Примеч. пер.)

бедуинов. Рядовые члены племени с большим почтением относятся к памяти о великих людях, которым они в какой-то степени даже поклоняются. К потомкам выдающихся людей относились с уважением и почтением, поскольку, хотя они и не получили от небес таких же даров, как их предки, но сохранили в своих сердцах восхищение и любовь к благородным поступкам, таланту и добродетели. В доисламские времена человек считался благородным, если он был вождем племени, и его отец, дед и прадед занимали такое же положение. Ничто не могло быть естественнее – ведь поскольку шейхом мог называться только отличившийся, есть все основания полагать, что качества бедуина считались наследственными в семье, где четыре поколения давали лидера племени. В строке из *Хамасы* сказано: «Слава, которая вырастает с травой, не может сравниться с той, что унаследована от предков».

Все бедуины одного племени – *братья*; этот термин применяется соплеменниками одного возраста при обращении между собой. Старый человек, обращаясь к молодому, называет его «сын моего брата». При необходимости бедуин забьет последнюю овцу, чтобы накормить бедного брата, попросившего помощи. Обиду, нанесенную брату человеком из другого племени, он сочтет личным оскорблением и не успокоится, пока не отомстит.

Очень трудно передать в достаточной степени ярко и четко идею *‘asabiyya* – этой глубокой безграничной стойкой приверженности араба своим соплеменникам, абсолютной преданности интересам, процветанию, чести и славе сообщества, в котором он родился и в котором умрет. Это чувство не эквивалентно патриотизму в нашем понимании этого слова, поскольку пылкий бедуин не может относиться к нему без особого энтузиазма. Для него это всепоглощающая страсть и одновременно главная и самая священная обязанность. Одним словом, это истинная религия пустыни. Эта преданность своему племени не была несовместимой с тем фактом, что, как писал Марголиус, «генеалогическое единство племени было фантазией, зачастую наложенной на то, что, по сути, являлось местным единством, или союзом эмигрантов под руководством одного лидера, или какой-либо другой случайной комбинацией».

Араб пойдет на любую жертву ради своего племени; ради него он всегда готов рискнуть жизнью в тех опаснейших предприятиях, в которых вера и энтузиазм способны творить чудеса, за него он будет сражаться, пока в его теле остаются последние искры жизни. Мубаррад в своем труде приводит цитату: «Люби свое племя, потому что с ним ты связан теснее, чем муж с женой». Такой смысл бедуин придает лозунгу «Свобода. Равенство. Братство». Того, что подарила ему судьба, ему достаточно. Он не мечтает ни о чем другом. Он доволен своей жизнью. Европейец всегда недоволен своей судьбой – разве что удовлетворится на очень короткое время. Наша лихорадочная деятельность, жажда политических и социальных усовершенствований, бесконечные попытки улучшить свое положение – разве они не являются симптомами и скрытым признанием усталости и возбуждения, которые подтачивают корни западного общества? Идея прогресса, восхваляемая со всех возможных трибун, является фундаментальным принципом современных социальных систем – но разве люди станут бесконечно разглагольствовать о переменах и улучшениях, когда живут в здоровых условиях и когда они счастливы? В нашей нескончаемой и бесплодной погоне за счастьем – разрушая сегодня то, что построили вчера, переходя от иллюзии к иллюзии, от разочарования к разочарованию – мы, в конце концов, теряем всяческие надежды. В моменты слабости и меланхолии мы восклицаем, что судьба человека не связана с будущностью народа, мы жаждем неизвестных даров в иллюзорном мире. Но бедуин не чувствует постоянно смутного и нездорового стремления к лучшему будущему: его бодрый дух, открытый, беззаботный, безоблачный, как небо, не знает наших забот, тревог, смутных надежд. А нам – с нашими безграничными амбициями и настойчивыми желаниями, воспламененными воображением, – бесцельная жизнь пустыни кажется невыносимой своей монотонностью и единообразием, и мы предпочитаем наши привычные волнения, наши тревоги и сложности, политическую запутанность и прочие тяготы цивилизации всем преимуществам, которыми наслаждаются арабы, ведя свое лишенное перемен существование.

Существует фундаментальная разница между европейцем и арабом. Наше воображение слишком сильно развито, чтобы дать нам умственное отдохновение; однако прогрессом мы обязаны именно этому качеству, так же как сравнительным превосходством. Где нет воображения, прогресс невозможен. Чтобы усовершенствовать нашу социальную жизнь и развить взаимоотношения людей, прежде всего необходимо в уме представить образ общества более совершенного, чем то, в котором мы существуем. Но арабы, несмотря на широко распространенную веру в обратное, обладают довольно слабым воображением. Их кровь горячее, чем наша, их страсти более пылкие, но одновременно они менее изобретательны, чем другие народы. Чтобы согласиться с этим фактом, достаточно изучить их религию и литературу. До перехода в ислам у них были божества – небесные тела, но, в отличие от индийцев, греков и скандинавов, у них не было мифологии. Их божества не имели далекого прошлого, и ни одному поэту даже в голову не пришло его придумать. Религия, которую исповедовал Мухаммед, – простой монотеизм с приращением некоторых институтов и церемоний, позаимствованных у иудаизма и древнего язычества, – бесспорно, самая простая и наименее таинственная из всех позитивных религий. Она же является самой разумной и чистой в глазах тех, кто исключает, насколько это возможно, сверхъестественное и кто изгоняет из религиозных культов пышные ритуалы и украшения. В литературе мы также обнаруживаем аналогичное отсутствие оригинальности, страсти к реальному и позитивному. Другие нации создавали эпосы, в которых важную роль играет сверхъестественное. В арабской литературе нет эпосов. Нет даже повествовательных поэм. Они лиричны и описательны и никогда не изображают большее, чем поэтический аспект действительности. Арабские поэты описывают, что они видят и чувствуют, но они ничего не создают. Если в поэмах вдруг появляется искра воображения, критики не хвалят авторов, а называют лжецами. Стремление к бесконечности и идеалу неведомо бедуину. С самой глубокой древности точность и простота формулировок – чисто техническая сторона поэзии – имела в их глазах первостепенную важность. Вымысел настолько редок в арабской литературе, что, когда мы находим его следы в некоей причудливой поэме или сказке, можно быть практически уверенным, что мы имеем дело не с арабским оригиналом, а с переводом. Таким образом, все истории «1001 ночи» о волшебстве, замечательных продуктах богатого и живого воображения, которыми мы зачитывались в детстве, имеют персидские или индийские корни. Из всего этого огромного собрания сказок истинно арабскими являются описания нравов и анекдоты, основанные на реальных событиях.

Наконец, когда арабы, обосновавшиеся в завоеванных провинциях, обратили свое внимание на науку, они продемонстрировали то же самое отсутствие креативности. Они переводили и комментировали труды древних: они обогатили некоторые отрасли науки своими терпеливыми, точными и скрупулезными наблюдениями; но они не совершали грандиозных открытий, и мы не обязаны им ни одной великой и плодотворной идеей.

Таковы глубинные различия, существующие между арабами и нами. Возможно, они обладают более возвышенным характером и истинным величием души, а также обостренным чувством человеческого достоинства; но в них отсутствуют ростки прогресса и развития. В них велико страстное желание личной свободы, а политический инстинкт отсутствует, и поэтому они с большим трудом подчиняются социальным законам. Тем не менее они старались: оторванные от своих пустынь пророком, они пошли за ним, чтобы завоевать мир, они наполнили его своими славными делами. Получив добычу двадцати провинций, они познали удовольствие роскоши; благодаря контактам с подчиненными народами они развили науки и настолько приблизились к вершине цивилизации, насколько это было для них возможно. Тем не менее прошло много лет после смерти пророка Мухаммеда, прежде чем арабы утратили свои национальные черты. Прибыв в Испанию, они еще оставались истинными детьми пустыни, и, естественно, на берегах Тахо и Гвадалквивира они продолжали межплеменные конфликты, нача-

тые в Аравии, Сирии или Африке. Эта давняя вражда в первую очередь привлекает наше внимание, и, чтобы ее правильно понять, следует вернуться к дням пророка.

Глава 2

Пророк

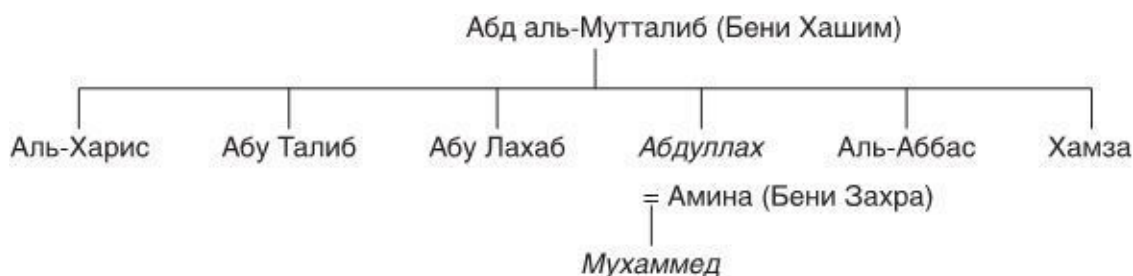
В дни жизни Мухаммеда население Аравии состояло из множества племен. Некоторые были оседлыми, но большинство – кочевыми, не имевшими общих интересов, центральной власти и, как правило, воюющими друг с другом. Если бы одна только храбрость могла сделать людей неуязвимыми, арабы определенно стали бы таковыми. Больше нигде не был так сильно распространен боевой дух. Без борьбы нет добычи, а добыча являлась средством существования для бедуинов. Более того, они получали возбуждающее удовольствие, обращаясь с податливым бамбуковым копьём или мерцающим мечом, раскалывая черепа или перерубая шеи своих врагов, сокрушая враждебные племена, «как жернов сокрушает зерно», уничтожая жертв, «не как подношение небесам». Храбрость в сражении выше всего превозносились в хвалебных речах поэтов и помогала завоевать любовь женщины. Причем последние обладали ничуть не меньшим боевым духом, чем их братья и мужья. Следуя с арьергардом, они ухаживали за ранеными и подбадривали воинов боевыми криками, исполненными безжалостной жестокости. В книге «Семь золотых од языческой Аравии» приведена цитата: «Смелость! – кричали они. – Смелость, защитники женщин! Разите без жалости своими мечами!.. Мы дочери утренней звезды; мягки ковры, по которым ступают наши ноги; наши шеи украшены жемчугами, а наши волосы благоухают мускусом. Храбреца, который сразится с врагом, мы прижмем к груди, но труса, который сбежит, мы с презрением отвергнем. Не для него наши объятия!» Тем не менее внимательный наблюдатель легко заметит внутренне присущую этой нации слабость – слабость, являющуюся прямым следствием полного отсутствия единства и непрекращающейся вражды между племенами. Аравия, несомненно, стала бы жертвой чужеземного завоевателя, если бы не была слишком бедна, чтобы ее стоило завоевывать.

– Что есть в твоей земле? – спросил персидский царь арабского принца, попросившего его о помощи войсками, взамен пообещав провинцию.

– Что в ней есть? Овцы и верблюды.

– Никогда я не стану за такую пустяковую добычу рисковать персидской армией в вашей пустыне.

Тем не менее настал день, когда Аравия была завоевана. Но сделал это сын Аравийской пустыни, араб Мухаммед. Его генеалогическое древо выглядит следующим образом:

Возможно, «посланец Бога» – так он величал себя – не был выше своих соплеменников, однако он, совершенно определенно, не был похож на них. Он обладал хрупким телосложением, восприимчивостью и нервозностью, унаследованной от матери, был наделен чрезмерной, даже болезненной чувствительностью. Ребенком он был меланхоличным, молчаливым, любил бесцельно бродить в сумерках по уединенным равнинам. Его всегда преследовало смутное беспокойство, во время болезни он мог рыдать, как женщина, и был подвержен приступам эпилепсии. Он не проявлял храбрости в бою – в этом его характер являл собой странный контраст

с характерами типичных арабов – суровых воинственных людей, не знавших ничего о грезах и считавших слезы позорной слабостью для мужчины, даже если они вызваны потерей близких. Более того, Мухаммед был наделен более развитым воображением, чем его соплеменники, и благочестивым умом. До того как у него возникли честолюбивые земные мечты, запятнавшие изначальную чистоту его сердца, религия была для него всем. Она занимала все его мысли. В этом отношении он сильно отличался от своих соплеменников.

Так бывает и с людьми, и с целыми народами: одни по природе своей религиозны, другие – наоборот. Для некоторых людей религия – основа жизни. Она им нужна как воздух. И когда их разум восстает против веры, в которой они были рождены, они придумывают некую философскую систему, намного более нерациональную и таинственную, чем само вероучение. Многие народы жили религией и во имя нее и находили в ней свою единственную надежду и утешение. Но арабы по своей природе не были религиозны, и в этом отношении они существенно отличались от других народов, принявших ислам. В целом в этом ничего странного нет. По своей сути религия в первую очередь захватывает воображение, а уже потом интеллект. Как мы уже видели ранее, воображение у арабов было развито слабо. Возьмем, к примеру, более современных бедуинов. Хотя номинально они являются мусульманами, обращают мало внимания на предписания ислама. Вместо того чтобы молиться пять раз в день, как требует их религия, они не молятся вовсе. Палмер, защищая бедуинов от обвинения в безверии и богохульстве, утверждает: «На словах они мусульмане, правда, мало кто из них знает об этой религии что-то большее, нежели ее название». Буркхардт, путешественник, хорошо их знавший, удостоверил, что бедуины – самый терпимый народ в Азии, причем их терпимость давняя и проверенная временем. Народ, так высоко ценящий свободу, не склонен мириться с тиранией даже в вопросах веры. Мартад, король Йемена в IV веке, любил повторять: «Я управляю людьми, а не мнениями. Я требую, чтобы мои подданные подчинялись моей власти, но их доктрины я оставляю на суд Бога, Творца». Император Фридрих II не мог ничего к этому добавить. Однако такая терпимость граничит с безразличием и скептицизмом. Сын и преемник Мартада сначала принял иудаизм, потом христианство и в конце концов так и остался в нерешительности между этими двумя верами.

Во времена Мухаммеда в Аравии существовали три религии: иудаизм, христианство и некая форма политеизма. Вероятно, только иудейские племена были искренне преданы своей вере, и только они сохраняли нетерпимость. В ранней истории Аравии гонения были редкими, а когда они случались, как правило, винить следовало иудеев. Христианство насчитывало лишь немногочисленных адептов, и большинство тех, кто исповедовал эту веру, обладали только поверхностными знаниями ее догматов. Халиф Али едва ли преувеличивал, говоря о племени таглибов, где эта религия наиболее прочно укоренилась, следующее: «Таглибы не христиане; все, что они позаимствовали у этой церкви, – привычка пить вино». На самом деле в христианстве было слишком много чудес и таинств, чтобы привлечь такой скептический и ироничный народ. Епископы, которые около 513 года попытались обратить в свою веру Мундира III, царя Хиры (расположенной у места Древнего Вавилона, основанной около 200 года арабскими племенами), убедились в этом на собственном опыте. После того как царь внимательно выслушал их, один из его придворных что-то шепнул ему на ухо, и лицо монарха сразу приняло выражение глубочайшей скорби, и, когда прелаты почтительно поинтересовались причиной его горя, он ответил: «Увы, я услышал ужасную весть: Михаил Архангел мертв». – «Нет, вы заблуждаетесь, ангелы бессмертны!» – «Бессмертны? – воскликнул царь. – Но вы же пытаетесь меня убедить, что сам Бог умер!»

Идолопоклонники, которых было большинство, поклонялись разным божествам, своим для каждого племени, а иногда и для каждой семьи, но признавали и существование высшего божества, Аллаха, для которого все остальные божества – посредники. Язычники с уважением относились к предсказателям и идолам, но легко могли убить предсказателя, если его прогнозы

не сбывались. Также они могли обмануть идола, принеся в жертву газель, хотя была обещана овца, и даже оскорбить его, если он не оправдал их надежд.

Когда Имру аль-Кайс, автор одной из поэм «Моаллакат», отправился мстить племени бени асад за убийство своего отца, он остановился у храма идола Зуль-Халаса, чтобы посоветоваться с оракулом с помощью трех стрел: «Продолжай», «Прекрати» и «Подожди». Отметим, что эта форма предсказания впоследствии была отвергнута Мухаммедом. «Вино, игра в жребьи, стрелования гнусны – дело сатаны. Поэтому устраняйтесь от этого: может быть, будете счастливы» (Сура 5.92). Достав «Прекрати», он решил попробовать еще раз. Но ему трижды выпало то же самое. Тогда он сломал стрелы, швырнул обломки в идола Зуль-Халаса и закричал: «Злодей! Если бы убили твоего отца, ты бы не стал запрещать мне отомстить за него!» Какую бы религию ни исповедовал араб, она, как правило, занимала не самое важное место в его жизни. Куда значительнее для него были мирские интересы – война, игры, любовь и вино. Поэты предлагали наслаждаться сегодняшним днем, потому что смерть не за горами. Это и стало девизом бедуинов. Человек, который проявлял большой энтузиазм, когда речь шла о храбрости подвиге или красивой поэме, как правило, оставался холодным и безразличным, если затрагивалась религия. Поэтому к ней поэты, правдивые толкователи национальных чувств, почти никогда не прибегали. Вот что говорил Тарафа ибн аль-Абд: «При жизни ты должен все радости плоти вкусить, превратности я испытал и страшусь повторенья. При жизни будь щедр! Пропивай все, что есть у тебя! За гробом узнаешь, как пьется в державе забвенья»².

Однако известны и некоторые факты, показывающие, что отдельным арабам, особенно из оседлых племен, не был полностью чужд религиозный энтузиазм. Например, двадцать тысяч христиан в городе Наджран, поставленные перед выбором, смерть или иудаизм, предпочли погибнуть в пламени, но не предали свою веру. Это произошло в 523 году. Уникальное преследование христиан иудеями привело к абиссинскому вторжению, чтобы помочь христианам. Затем последовало установление абиссинского правления в Южной Аравии. Тем не менее религиозный фанатизм все же был исключением. Правилom являлось полное безразличие или вялый интерес.

Поэтому, объявив себя пророком, Мухаммед взял на себя вдвойне трудную задачу. Он не мог ограничиться простой демонстрацией истинности доктрин, которые проповедовал. Ему надо было преодолеть умственную апатию своих соотечественников, пробудить в их сердцах религиозные чувства, убедить их, что к религии нельзя относиться безразлично, и уж тем более нельзя ее игнорировать. Иными словами, он должен был преобразовать целую нацию чувственных и скептически настроенных людей, нацию циников. Столь грандиозное предприятие обескуражило бы человека менее убежденного в правоте своей миссии. Мухаммед сталкивался только с презрением и оскорблениями. Сограждане в Мекке или жалели его, или издевались над ним. Одни считали его поэтом, вдохновленным *jinni* – неким волшебным духом, другие – прорицателем, колдуном или безумцем. «Смотрите, вот идет сын Абдуллы с новостями с небес!» – кричали люди, завидев его. Одни предлагали, с видимой благосклонностью, пригласить за собственный счет лекарей, которые попытаются его вылечить. Другие забрасывали его мусором. Ему приходилось искать путь сквозь тернии. Его называли мошенником и обманщиком. И с таким отношением он сталкивался повсюду. В Таифе, расположенном в 60 милях от Мекки, он изложил свои доктрины собравшимся вождям. Но и они его отвергли. По этому поводу профессор Марголиус писал: «Он не мог сделать худшего выбора. Народ Таифа был не менее предан своим богиням, чем жители Эфеса – Артемиде».

– Неужели Бог не мог найти лучшего апостола, чем ты? – с презрением сказал один вождь.

² Перевод А.М. Ревича.

– Я не стану с тобой разговаривать, – заявил другой. – Если ты действительно пророк, значит, ты для меня слишком возвышен, чтобы обмениваться с тобой словами. А если ты обманщик, то не заслуживаешь беседы со мной.

Отчаявшийся Мухаммед покинул вождей и ушел, сопровождаемый глумлением толпы. Периодически в него летели камни.

Так прошло десять долгих лет. Секта оставалась крайне малочисленной, и все указывало на то, что новая религия очень быстро исчезнет, не оставив следа. Неожиданно Мухаммед обнаружил сторонников, на которых уже не надеялся, в племенах аус и хазрадж, которые в конце V века избавили Медину от господства иудеев. Представители этих двух племен стали основной частью населения Медины. Народы Мекки и Медины ненавидели друг друга, поскольку происходили из враждующих родов. В Аравии было две группы племен: йемениты и маадиты. Жители Медины были йеменитами, и жители Мекки питали к ним отвращение и презирали их. В глазах араба, который считал скотоводство и торговлю единственными достойными свободного человека делом, обработка земли была занятием унижительным. Жители Медины были земледельцами, а Мекки – торговцами. Более того, в Медине продолжало жить много евреев, и немало семейств из племен аус и хазрадж сохранили религию бывших хозяев города. И хотя большинство членов обоих племен были идолопоклонниками, как меккане, последние считали все население Медины еврейским и презирали его. Мухаммед, со своей стороны, разделял предрассудки своих сограждан в отношении йеменитов и земледельцев. Говорят, услышав, как кто-то сказал: «Я – химьярит, мои предки не из раба или мудар», он воскликнул:

– Тем хуже для тебя! Твое происхождение отделяет тебя от Бога и его пророка.

Отметим, что химьяриты были младшей ветвью сабеев, живших в юго-западной части Аравии. Раба и мудар были легендарными потомками Аднана, через которого северные арабы вели свое происхождение от Исмала. Также утверждают, что, заметив плужный лемех в доме жителя Медины, Мухаммед заявил хозяину:

– Когда такая вещь появляется в доме, вместе с ней входит позор.

Тем не менее, отчаявшись привлечь на свою сторону торговцев и кочевников своей расы, Мухаммед был вынужден позабыть о своих предрассудках и принять помощь всех, кто ее предлагал. Поэтому он с радостью завязал дружеские отношения с арабами Медины, для которых преследования, которым он подвергся в Мекке, стали лучшей рекомендацией. «Великая клятва Акабы» навсегда объединила судьбы жителей Медины и Мухаммеда. Тогда семьдесят паломников из Ясриба (Медины) у подножия холма Акаба дали клятву защищать новую веру мечом. Разорвав узы, которые арабы почитали больше, чем любые другие, он покинул свое племя, обосновался в Медине с учениками-мекканцами, которые с тех пор стали называться «беженцами» – *мухаджирунами*, натравил на своих соплеменников мединских поэтов, известных язвительным умом, и развязал священную войну. Вдохновленные жаждой деятельности, презирающие смерть, поскольку были уверены, что попадут прямо в рай, если примут смерть от идолопоклонников, аус и хазрадж стали называть себя ансарами (помощниками, в другом варианте – защитниками) и демонстрировали чудеса отваги. Борьба между ними и язычниками Мекки продолжалась восемь лет. За это время ужас, который повсюду сеяли воины-мусульмане, заставил многие племена принять новую веру, но лишь отдельные люди сделали это искренне. Наконец завоевание Мекки укрепило авторитет Мухаммеда. Настал день, когда жители Медины поклялись, что заставят надменных торговцев дорого заплатить за свое презрительное отношение. «Сегодня день убийств, – заявил глава племени хазрадж, – день, когда никто не избежит своей участи!» Но надежды жителей Медины были разбиты. Мухаммед лишил их главу командования и приказал военачальникам соблюдать величайшую умеренность. Меккане стали молчаливыми свидетелями разрушения идолов в их храме, который являлся, по сути, пантеоном, содержавшим триста шестьдесят статуй божеств, которым

поклонялось множество племен. Судя по всему, на каждый день года приходилось по божеству. В действительности о доисламском идолопоклонничестве известно немного. Есть свидетельства поклонения небесным телам, наряду с обычным фетишизмом. С болью и яростью в сердцах они признали Мухаммеда посланцем Бога, в душе поклявшись когда-нибудь отомстить и мединским грубиянам, и евреям, которым хватило дерзости их покорить.

После завоевания Мекки оставшиеся языческие племена вскоре осознали бесполезность дальнейшего сопротивления, и угроза войны на уничтожение заставила их принять ислам, который проповедовали им военачальники Мухаммеда, держа в одной руке Коран, в другой – меч.

Удивительный пример обращения связан с племенем такиф, которое кочевало вокруг Таифа и ранее отвергло проповеди Мухаммеда, забросав его камнями. Депутация этого племени объявила, что оно готово принять ислам, при условии что ему будет позволено сохранить своего идола, Аллат, в течение трех лет и его не будут заставлять молиться. Отметим, что Аллат – одна из трех лунных богинь – трех дочерей Аллаха. «Три года идолопоклонничества, – ответил Мухаммед, – это слишком много. И какая может быть религия без молитвы?» После этого делегаты снизили требования, и наконец после долгих споров договаривающиеся стороны согласовали следующие условия: такиф не будут платить десятину, их не будут заставлять принимать участие в священной войне. Также они не станут падать ниц в молитве, оставят Аллат на год, по истечении которого никто не заставит их уничтожать идола своими руками. Но Мухаммед все еще чувствовал некоторые сомнения; он опасался общественного мнения.

– Не позволяй этому соображению мешать тебе, – сказали делегаты, – если арабы спросят, почему ты заключил такой договор, достаточно сказать им, что сделал это по приказу Бога.

Этот аргумент убедил пророка, и официальное соглашение звучало следующим образом:

– Именем милостивого и милосердного Бога! Настоящим согласовано между Мухаммедом, посланником Бога, и племенем такиф следующее: последнее не будет обязано платить десятину и принимать участие в священной войне, а также... – Стыд и раскаяние заставили пророка замолчать.

– А также падать ниц в молитвах, – подсказал один из делегатов. Поскольку Мухаммед продолжал молчать, делегат обратился к писцу: – Запиши это. Так было договорено.

Писец взглянул на пророка, ожидая его приказа. Но тут свирепый Омар, ставший молчаливым свидетелем сцены, столь болезненной для чести пророка, вскочил, выхватил меч и закричал:

– Ты осквернил сердце пророка! Да испепелит тебя Бог! Отметим, что свирепый Омар впоследствии стал вторым халифом. Его обращению, судя по всему, в немалой степени способствовала его сестра Фатима, жена прозелита. Порывистый, жестокий и обладающий огромной физической силой, Омар очень скоро стал одним из главных приверженцев халифа. «Я, Абу Бакр и Омар», – часто повторял Мухаммед, утверждавший, что даже сатана избегает встречи с последним. Бертон писал: «Говорят, что он один раз в жизни смеялся и один раз плакал. Смех у него вызвало воспоминание о том, как он ел богов из теста – идолов племени ханифа. Слезы же у него вызвало воспоминание о том, как он заживо похоронил свою маленькую дочь, а она, пока рыли могилу, отряхивала пыль с его волос и бороды».

– Наши слова обращены не к тебе, – спокойно ответил делегат, – мы вели беседу с Мухаммедом.

Пророк долго хранил молчание, после чего объявил:

– Нет, я не стану заключать такое соглашение. Вы должны или принять ислам без каких-либо условий и соблюдать все его требования, или готовьтесь к войне.

– Но разреши нам хотя бы сохранить Аллат на полгода! – взмолились разочарованные делегаты. – Хоть на месяц!

Но пророк остался непреклонным и не разрешил оставить идола ни на час.

Поэтому делегаты вернулись в свой клан в сопровождении мусульманских солдат, которые уничтожили фигурки Аллат, под стоны и плач женщин. Это более чем странное обращение на деле оказалось самым продолжительным. Когда позднее Аравия в целом отказалась от ислама, такифиты сохранили ему верность. На основании этого можно судить об искренности других обращений.

Отступничество началось еще до смерти Мухаммеда. Несколько провинций не дождались этого события. Слухов об ухудшении здоровья Мухаммеда оказалось достаточно, чтобы восстания вспыхнули в Неджде, Йемене (Ямене) и Йемене. В каждой из этих провинций имелся собственный пророк – Тулайха, Мусайлима и аль-Асвад соответственно, подражатели и соперники Мухаммеда. Тот узнал на смертном одре, что в Йемене есть лидер повстанцев, аль-Асвад, также известный как зульхимар, человек с покрывалом. Это вождь, обладающий большим богатством и незаурядным красноречием. Ему удалось изгнать мусульманских чиновников и захватить Наджран, Сану, а потом и всю провинцию. Однако когда Мухаммед испустил последний вздох (в 632 году), обширное здание на самом деле уже качалось. Смерть пророка послужила сигналом для масштабного, практически всеобщего восстания. Повстанцы везде одерживали верх; каждый день в Медину приезжали мусульманские чиновники, мухаджируны и ансары, изгнанные из своих регионов мятежниками. Окрестные племена готовились осадить Медину.

Но халиф Абу Бакр (отец супруги Мухаммеда Аиши; обычная форма – *бикр*, но *бакр*, что означает «молодой верблюд», – метафора, применяемая к юношам; ненавидевшие его персы называли Абу Бакра Пир-и-Кафтар – «старая гиена»), достойный преемник Мухаммеда, исполненный уверенности в судьбе ислама, ни минуты не колебался, находясь в гуще этих событий. Он был без армии. Верный заветам Мухаммеда, он отправил ее в Сирию, несмотря на протесты мусульман, которые, предвидя угрожающие опасности, уговаривали его отложить экспедицию. «Я не стану отменять приказ, данный пророком, – заявил он. – Пусть Медине угрожает вторжение диких зверей, эти войска должны сделать то, что желал Мухаммед». Согласись он на компромисс, халиф путем определенных уступок мог купить нейтралитет или даже союз многих племен Неджда, поскольку их представители сообщили, что, если их освободят от уплаты десятины, они будут продолжать возносить ортодоксальные молитвы. Главные мусульмане придерживались мнения, что этих представителей не следует отталкивать. Один Абу Бакр считал идею компромисса недостойной святого дела, которое они защищали. «Закон ислама, – говорил он, – един и неделим, и между его заповедями нельзя допускать разницы». Омар прямо заявлял, что в одном Абу Бакре было больше веры, чем во всех остальных, вместе взятых. Это замечание было справедливо. Именно в этом заключались величие и сила первого халифа. Согласно утверждению самого Мухаммеда, все его ученики демонстрировали колебания, прежде чем признать его миссию, за исключением Абу Бакра. Не будучи исключительной личностью, Абу Бакр был лучше всего приспособлен для того, чтобы овладеть ситуацией: он имел то, что ранее дало победу самому Мухаммеду и чего не было у их врагов – прочную веру.

Нападения повстанцев не были согласованными; они уже начали ссориться между собой и периодически убивали друг друга. Абу Бакр, вооруживший всех, кто был способен держать оружие, воспользовался благоприятной возможностью, чтобы сокрушить соседние кланы. Позднее, когда верные племена Хиджаза, западного плато, на котором располагаются Мекка и Медина, собрали контингенты людей и коней и основные силы армии вернулись с севера, принеся с собой немалую добычу, он предпринял смелое наступление, разделив свою армию на много отрядов. Эти отряды, сначала весьма немногочисленные, быстро разрастались. Их пополняли арабы, которых страх или надежда на грабежи привлекал под мусульманские знамена.

В Неджде Халид (Меч Аллаха, сын аль-Валида; его свирепость неоднократно порицалась пророком; до обращения он в немалой степени способствовал поражению Мухаммеда у горы

Оход), кровожадный и безрассудно смелый, напал на орды Тулайхи. Причем Тулайха, о котором раньше говорили, что он один стоит тысячи человек, на этот раз, позабыв о своем долге воина и старательно исполняя роль пророка, завернувшись в плащ, ожидал вдохновляющих идей с небес, оставаясь на некотором расстоянии от поля боя. Довольно долго ожидание оставалось тщетным, но, когда его люди дрогнули, вдохновение наконец явилось. «Следуйте за мной, если можете!» – крикнул он своим товарищам и, вскочив на коня, исчез на самой высокой скорости. В тот день победители не брали пленных. «Уничтожайте отступников без жалости, мечом, огнем, самыми страшными пытками». Такие инструкции дал Абу Бакр Халиду.

Халид выступил против Мусайлима, пророка Йемама, который уже нанес поражение двум мусульманским армиям. Причем слава о победах и невероятной жестокости следовала впереди Халида. Сражение было ужасным. Сначала повстанцы оказались сильнее, проникли в лагерь и добрались до шатра Халида. Но военачальник сумел отбросить их на равнину, разделявшую два лагеря. После нескольких часов упорного сопротивления повстанцы понесли большие потери и были окружены со всех сторон. Они отступили в большой сад, окруженный толстой стеной, имевшей массивные ворота. Опьяненные кровью, мусульмане устремились за ними. Проявив беспримерную храбрость, два человека перебрались через стену и спрыгнули внутрь, чтобы открыть ворота. Один из них, весь израненный, вскоре пал, второй, которому повезло больше, нашел ключ и перебросил его через стену своим товарищам. Ворота распахнулись, и нападающие хлынули в сад. Началась ужасная бойня на арене, с которой невозможно было вырваться. В этом «саду смерти» повстанцы, которых насчитывалось около десяти тысяч, были убиты все до последнего воина.

Пока жестокий Халид таким образом подавлял восстание в центральной части Аравии, проливая реки крови, другие командиры занимались тем же самым в южных провинциях. В Бахрейне на лагерь бакритов было совершено внезапное нападение, в процессе которого многие были убиты. Те немногие, кому удалось бежать, направились к морскому побережью, чтобы найти убежище на острове Дарин, расположенном в Персидском заливе. Но мусульмане догнали их и убили, поскольку, согласно легенде, море чудесным образом высохло. Такие же массовые убийства происходили в Омане, Махре, в Йемене и Хадрамауте. Здесь остатки сил аль-Асвада, тщетно умолявшие мусульманского командира о милости, были убиты. Командир гарнизона крепости сумел получить, в обмен на капитуляцию, обещание амнистии только для десяти человек – все остальные были обезглавлены. В другом районе целый караванный путь стал зараженным из-за разложения множества трупов повстанцев.

Если арабы, глядя на эти реки крови, и не убедились в истинности религии Мухаммеда, они, безусловно, не могли не признать, что ислам – неодолимая и даже в какой-то степени сверхъестественная сила. Истребленные огнем и мечом, охваченные ужасом и удивлением, они предпочли стать мусульманами, по крайней мере внешне, и халиф, не дав им оправиться от смутения, бросил их в бой против Римской империи и Персии. По его убеждению, эти две нации уже созрели для завоевания, потому что их много лет раздирали внутренние противоречия, разлагало рабство и разъедали все пороки, свойственные упадку. Безграничное богатство и обширные владения компенсировали арабам вынужденное подчинение закону пророка из Мекки. Отступничество было неизвестно, оно стало немыслимым, поскольку влекло за собой смерть, – в этом вопросе закон Мухаммеда был безжалостен. Но истинное благочестие и религиозное рвение тоже встречались нечасто. С помощью самых ужасных и жестоких средств было осуществлено внешнее обращение бедуинов. И это было много. На самом деле это было все, чего можно было ожидать от этого несчастного народа, ставшего свидетелем гибели своих отцов, братьев и детей от меча жестокого Халида или других палачей, его конкурентов.

В течение долгого времени бедуины, нейтрализуя пассивным сопротивлением попытки рьяных мусульман вести их за собой, не изучили основы веры и не имели ни малейшего желания их изучать. Во время халифата Омара I один старый араб договорился с молодым чело-

веком, что он будет каждую вторую ночь отдавать ему свою жену, а тот взамен брался заботиться об отаре старика. Об этом стало известно халифу. Тот призвал к себе обоих и спросил, известно ли им, что ислам запрещает подобные сделки. Те ответили, что им ничего не известно о подобном законе. Другой человек женился на двух сестрах.

– Разве это возможно, – спросил халиф, – чтобы ты не знал о запрете подобных действий религией?

Человек ответил, что ему ничего об этом не известно и, более того, он не видит ничего плохого в своих действиях. Тогда халиф объяснил, что закон в этом вопросе совершенно ясен, и человеку придется отказаться от одной из сестер, иначе он лишится головы. Некоторое время мужчина не мог поверить, что халиф говорит серьезно. Уяснив, что с ним никто не шутит, он в сердцах заявил:

– Тогда это плохая религия, если запрещает такие вещи, и я ничего не получил, приняв ее.

Религиозное невежество бедолаги было настолько полным, что он даже не подозревал: произнеся такие слова, он мог поплатиться головой за богохульство или даже за отступничество. Веком позже ни одно арабское племя из тех, что обосновались в Египте, не знало, что запрещено и что разрешено пророком. Они с удовольствием вспоминали доброе старое время, войны и героев прошлого, но о религии не упоминали. Такая же ситуация в эту эпоху была у арабов, живших на севере Африки. Эти достойные люди пили вино, даже не подозревая, что это запрещено Мухаммедом. Они были потрясены, получив соответствующие разъяснения от миссионеров, посланных халифом Омаром II. Были мусульмане, которые знали о Коране лишь одно – слова «Во имя Бога, милостивого и милосердного», с которых начинается каждая сура Корана, с единственным исключением. Возможно, хотя никоим образом не очевидно, что в целом к вере была бы большая тяга, если бы средства, применяемые для обращения в нее, не были такими жестокими. Всегда было в высшей степени тяжело преодолеть безразличие бедуинов в вопросах религии. В наше время ваххабиты, мрачная и пуританская секта, которая стремится уничтожить богатство и избыточные ритуалы, с течением времени запятнавшие ислам, секта, сделавшая своим девизом слова «Коран и ничего кроме Корана», не сумела пробудить бедуинов от безразличия к религии. Кстати, секта существует в Индии и других местах и нередко признается виновной в изменнической деятельности. Они редко прибегали к силе и нашли приверженцев из числа оседлых арабов, но не бедуинов, сохранивших исконный арабский характер, без каких-либо примесей. Хотя они симпатизировали политическим взглядам новаторов и племена, находившиеся под непосредственным контролем ваххабитов, должны были соблюдать религиозные обязанности с большей строгостью, и некоторые из них, ради собственных интересов, стали проявлять видимость религиозного рвения и даже фанатизма, все же бедуины не стали по-настоящему религиозными. Как только власть ваххабитов была уничтожена Мухаммедом Али, бедуины, не теряя времени, отказались от религиозного церемониала, который им смертельно надоел. «Сегодня, – писал сэр Р.Ф. Бертон, – в пустыне можно встретить только остатки религии, или ее нет вообще; никто не затрудняет себя соблюдением законов Корана».

Таким образом, арабы, хотя и приняли революцию как свершившийся факт, с которым ничего нельзя поделать, не простили тех, кто ее принес, и не подчинились иерархической власти, ставшей ее результатом. Их сопротивление, в конце концов, приняло другую форму: конфликт, касающийся принципов, стал личной борьбой.

В определенном смысле знатные семейства – мы применяем этот термин к тем, кто в течение нескольких поколений поставлял вождей племенам, – ничего не потеряли от революции. Это правда, что Мухаммед колебался, не имея четкого мнения относительно знати. Он то проповедовал абсолютное равенство, то признавал правящий класс. Он заявлял: «Нет больше языческого высокомерия! Нет больше гордости рождения! Все люди – дети Адама, а Адам

сотворен из праха. Перед Богом тот из вас имеет более достоинства, кто из вас богобоязливее» (Коран, сура 49: 13). И снова: «Все люди равны, как зубья у гребня; только телесная сила делает некоторых выше других». Но он также утверждал: «Пусть, кто были знатными при язычестве, останутся знатными при исламе, если они почитают Истинную Мудрость» – иными словами, если они становятся мусульманами. Мухаммед на самом деле временами желал ликвидировать арабскую аристократию; но или не мог, или не осмеливался претворить свое желание в жизнь. Поэтому знать продолжала существовать; она сохранила свои привилегии и давала племенам вождей. Ведь Мухаммед не ставил перед собой невыполнимую задачу объединить арабов в нацию и сохранил племенную организацию, объявив, что она имеет божественное происхождение («Люди, мы сотворили вас... составили из вас племена...» – Коран, сура 49: 13). Каждое из этих мелких сообществ продолжало жить только для себя, занималось собственными делами и не интересовалось проблемами, непосредственно его не затрагивающими. В войне они организовывали разные отряды, каждый со своим знаменем, которое нес шейх или воин, им назначенный. В более поздние времена вожди всегда несли знамена мусульманских армий, и слова «знаменосец» и «вождь» стали синонимами. В городах у каждого племени был собственный квартал, свой караван-сарай и даже свое кладбище. Строго говоря, право назначать вождя принадлежало халифу, но следует понимать разницу между теоретическим правом и его практическим применением. Изначально халиф мог возложить власть вождя на одного из членов племени, поскольку арабы подчинялись чужакам с большой неохотой или не подчинялись вообще. Мухаммед и Абу Бакр, соответственно, почти всегда следовали этой практике и передавали власть людям, чье личное влияние было уже признано. При Омаре арабы требовали, чтобы вождями назначались только члены племени, и больше никто. Однако, как правило, племена сами выбирали шейхов, а халифы довольствовались подтверждением их выбора. Этот обычай соблюдал лидер ваххабитов в XIX веке. Таким образом, старая знать сохранила свои позиции, но был создан более влиятельный класс. Мухаммед и два его непосредственных преемника предоставляли самые важные должности – командующих армиями и правителей провинций – ветеранам мусульманства, мухаджирунам и ансарам. По сути, выбора у них не было. Только эти люди были искренними исламистами, а значит, только им можно было доверить руководство – и мирское, и духовное. Какое доверие могло быть к вождям племен, которые никогда не были рьяными приверженцами традиционного ислама, а иногда и откровенными атеистами? Как сказал Оейна, вождь фезара: «Если бы существовал Бог, я бы поклялся его именем, что не верю в него».

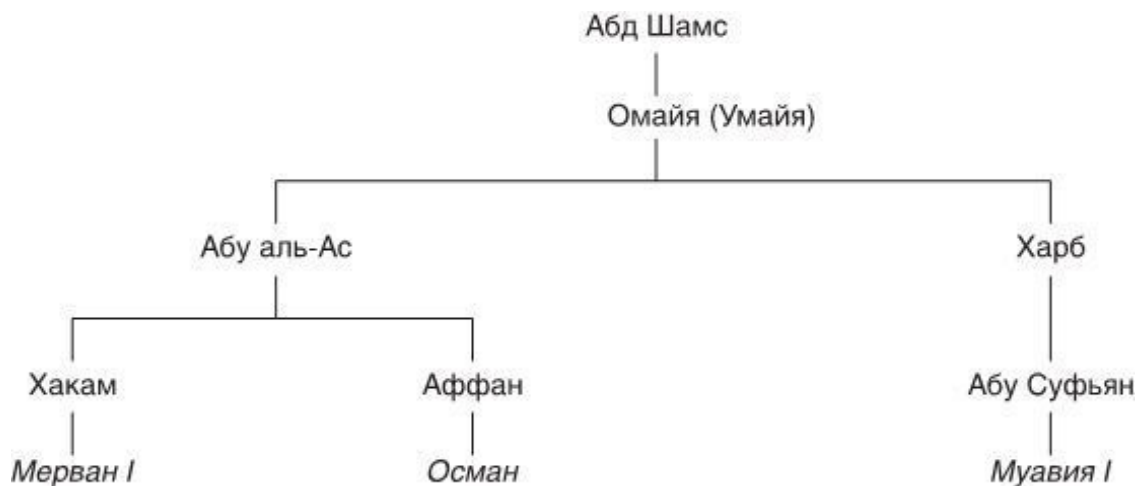
Таким образом, предпочтение, отдаваемое мухаджирунам и ансарам, было естественным и в достаточной степени законным. Тем не менее гордость шейхов была уязвлена. Ведь горожане, земледельцы и прочие ничтожества были поставлены выше их. Члены племени, которые всегда отождествляли честь вождей со своей собственной, тоже негодовали. Они с нетерпением ожидали благоприятной возможности, чтобы силой оружия поддержать претензии своих лидеров и покончить с фанатиками, убивавшими их соплеменников. Аналогичные чувства зависти и непримиримой ненависти испытывала аристократия Мекки, во главе которой стояли Омейяды. Горделивые и надменные, они с плохо скрываемой ненавистью наблюдали, как только подлинных мусульман созывают на совет к халифу. Правда, Абу Бакр имел намерение допустить их к участию в дискуссиях, но Омар выступил категорически против, и его мнение стало решающим. Мы увидим, что арабская аристократия сначала пыталась вернуть влияние, не прибегая к насилию. Но было легко предвидеть, что, если ей это не удастся, она легко найдет союзников, готовых выступить вместе с ней против ансаров и мухаджирунов, среди шейхов бедуинских племен.

Глава 3

Подъем Омейядов

Халиф Омар, смертельно раненный кинжалом христианского ремесленника, некоего Фируза, по прозвищу Абу Лула, на смертном одре назвал шестерых сподвижников пророка Мухаммеда, которые должны были избрать его преемника. Среди них самыми заметными были Али, Осман (Усман), Зубайи и Тальха. Также выборщиками стали Саад ибн Абу Ваккас и Абд ар-Рахман. Последний снял свою кандидатуру. Когда Омар испустил последний вздох, шесть выборщиков уединились на два дня, но не пришли ни к какому результату. Каждый из них старался подчеркнуть собственные выдающиеся качества и умалить качества своих коллег. На третий день было решено, что выбор халифа будет доверен одному из выборщиков, который снимет свою кандидатуру. К большому разочарованию остальных, халифом был назван Осман (Усман) – из Омейядов (644 г.).

Выбор едва ли основывался на выдающихся качествах личности Османа. Да, он был богат и щедр, делал материальные пожертвования от имени Мухаммеда и его сподвижников. Но если к этому добавить, что он был усерден в молитве, соблюдал посты и являлся воплощением добронравия и застенчивости, список его достоинств окажется исчерпанным. Его разум, никогда не бывший могучим, был ослаблен приближением старости – он уже достиг семидесяти лет. А его робость была настолько велика, что, когда он впервые поднялся на минбар, храбрость покинула его вместе с даром речи. «Первая попытка – очень трудная вещь», – с тяжелым вздохом пробормотал он и спустился с кафедры. К несчастью для самого себя, этот добродушный старик был очень привязан к своей семье, которая принадлежала к той аристократии Мекки, которая в течение двадцати лет оскорбляла, преследовала Мухаммеда и всячески противодействовала ему. Халиф во всем ей подчинялся. Его генеалогическое древо выглядело следующим образом:

Дядя халифа Хакам и, в еще большей степени, Мерван, сын последнего, вскоре стали фактическими правителями, оставив Осману лишь титул халифа и ответственность за все принимаемые ими меры, о которых его, как правило, не информировали. Приверженность традиционному исламу этих двоих, в первую очередь отца, никоим образом не была вне подозрений. Хакам был обращен только после дня взятия Мекки и впоследствии, после того как он выдал некоторые секреты, доверенные ему Мухаммедом, пророк наложил на него проклятие и отправил в ссылку. Абу Бакр и Осман подтвердили это решение. Осман, с другой стороны,

вернул грешника обратно и даровал ему сто тысяч серебряных монет, а также земли, которые не являлись его собственностью, а принадлежали государству. Более того, халиф назначил Мервана своим секретарем и визирем, отдал ему в жены одну из своих дочерей и приумножил его богатства добычей из Африки. Стремясь воспользоваться возможностью, другие Омейяды, способные и честолюбивые молодые люди, к тому же сыновья самых непримиримых врагов Мухаммеда, добились самых выгодных постов, и все это к большой радости толпы, которая была только рада сменить старых ревностных поборников веры, суровых и строгих, на общительную и умную знать. Правда, это не могло не вызвать недовольства преданных мусульман, которые испытывали глубочайшее отвращение к новым провинциальным губернаторам. Кто мог не содрогнуться при воспоминании о том, что Абу Суфьян, отец того самого Муавии, которого Осман назначил правителем Сирии, командовал армией, победившей Мухаммеда у горы Оход, и той, что осадила его в Медине? Будучи лидером меккан, он не уступал, пока не увидел, что его дело проиграно и что десять тысяч мусульман готовы сокрушить его вместе со сторонниками. Но даже после этого, когда его призвал к себе Мухаммед и потребовал, чтобы он признал в нем посланника Бога, он ответил: «Простите мою откровенность, но я все еще сомневаюсь». Только когда его заверили, что если он не признает пророка, то лишится головы, Абу Суфьян стал мусульманином. Но его память оказалась короткой, и он очень скоро забыл о своем обращении.

Кто не помнит Хинд, мать Муавии, жестокую женщину, которая делала ожерелья и браслеты из ушей и носов мусульман, убитых при Оходе? Она разорвала тело Хамзы, дяди пророка, и, вырвав из него печень, впиалась в нее зубами. Вероятно, это был элемент колдовства. Доктор Фрэзер в «Золотой ветви» утверждает, что некоторые племена Северо-Восточной Африки ели печень врага, который отличился храбростью, поскольку верили, что именно в ней эта храбрость находится. В общем, сын таких родителей, отпрыск «пожирательницы печени», вряд ли мог быть истинным мусульманином.

С правителем Египта, сводным братом Османа, которого звали Абдуллах ибн Сад ибн Абу Сарх, дело обстояло еще хуже. Его храбрость сомнению не подвергалась. Он нанес поражение греческому правителю Нумидии и одержал блестящую победу над греческим флотом, намного более многочисленным, чем его собственный. Но он был писцом Мухаммеда и, когда пророк диктовал ему откровения, менял слова и искажал смысл. Когда его богохульство было замечено, он сбежал и вернулся к поклонению идолам. Считается, что сура 6: 93 направлена против него. «Есть ли кто нечестивее того, кто выдумывает ложь, ссылаясь на Бога, или говорит: мне было откровение, тогда как не было ему никакого откровения».

В день взятия Мекки Мухаммед приказал, чтобы его убили – после того как он был обнаружен прячущимся за занавесами Каабы. Отступник отдался на милость Османа, который повел его к пророку и попросил о снисходительности. Мухаммед некоторое время молчал и в конце концов пробормотал: «Я прощаю его». Но когда Осман удалился вместе со своим протеже, пророк бросил гневный взгляд на своих стражников и воскликнул: «Почему вы меня не поняли? Я так долго молчал, чтобы кто-то из вас мог броситься вперед и убить его!» И этот человек стал правителем одной из прекраснейших провинций империи.

Валид, сводный брат Османа, был назначен правителем Куфы. Саад был смещен. Валид подавил восстание в Азербайджане, когда эта провинция попыталась вернуть независимость. Его войска совместно с войсками Муавии захватили Кипр, и его разумное правление восхвалялось по всей провинции. Тем не менее отец Валида, Окба, в свое время плюнул в лицо пророка, а в другой раз едва не задушил его. Позднее, став пленником Мухаммеда и выслушав смертный приговор, Окба в отчаянии закричал: «Кто позаботится о моих детях, когда меня не будет?» Пророк ответил, что это сделает адский огонь. Валид, которого после этого стали звать «дитя ада», всячески старался оправдать прогноз. Однажды после кутежа, который благодаря изобилию вина и чарам красавиц продлился до рассвета, Валид услышал, что муэдзин

призывает с минарета верующих к молитве. Все еще находясь под воздействием винных паров, одетый в одну только тунику, отправился в мечеть, где прочитал молитву, которая длилась три или четыре минуты, причем запинался намного реже, чем можно было ожидать от человека в его состоянии. После этого он повернулся к собравшимся и, вероятно желая доказать, что совершенно трезв, громко спросил:

– Прочитать еще раз?

Но благочестивый мусульманин из первого ряда молящихся с негодованием ответил:

– Ради Аллаха, не надо. Мне не вынести еще одну молитву от такого человека, как ты. Ни за что бы не поверил, что из Медины нам прислали такого правителя!

Затем он стал выкапывать булыжники во дворе мечети. К нему присоединились другие верующие, и Валид, чтобы его не забросали камнями, был вынужден со всей поспешностью бежать. Он вернулся во дворец, качаясь и выкрикивая стихи языческого поэта:

– Вы найдете меня там, где много вина и песен. Мое сердце не камень, оно умеет веселиться!

Известный поэт аль-Хутайя – Джарваль ибн Аус – счел это приключение источником вдохновения. «В Судный день, – написал он, – аль-Хутайя подтвердит, что Валид на заслуживает обрушившейся на него ругани. В чем его вина, когда все было прочитано? Когда молитва закончилась, он всего лишь спросил, не хотят ли люди услышать ее еще раз. Он был весел из-за вина и, возможно, не ведал, что говорит. Хорошо, что тебя кто-то остановил, Валид, иначе ты, наверное, продолжал бы молиться до конца света». Следует отметить, что аль-Хутайя, хотя и являлся поэтом высокого уровня, был отступником, который то принимал ислам, то отказывался от него. Кроме того, в Куфе было несколько человек, возможно находившихся на жалованье у святых людей Медины, которые никоим образом не поддерживали правителя. Двое из них отправились в столицу и высказали свои претензии. Сначала Осман отказался согласиться с ними, но вмешался Али, и, к большому сожалению арабов Куфы, Валид лишился поста. Но ортодоксальная партия упрекала престарелого халифа не только за выбор правителей. Его осуждали за плохое обращение со многими сподвижниками пророка, возрождение языческих обычаев, упраздненных Мухаммедом. Также его обвиняли в том, что он замыслил поселиться в Мекке, и самым непростительным проступком была подготовка новой редакции Корана далеко не самыми прилежными его исследователями. Даже с тем, кого Мухаммед назвал самым лучшим чтецом Корана, никто не удосужился посоветоваться. Делом занялись единомышленники самого халифа. Оно было поручено Зейду ибн Сабиту (бывшему писцу пророка) и трем курашитам. Хуже того, новая версия Корана было объявлена единственно аутентичной, и все более ранние экземпляры халиф приказал сжечь. Решив больше не терпеть такое положение, бывшие соперники Османа, Али, Зубайр и Тальха, благодаря присвоению фондов, предназначенных для бедных, разбогатели и стали разбрасывать золото направо и налево, чтобы вызвать мятежи. Им сопутствовал успех лишь частично: спорадические бунты имели место, но основная масса людей сохранила преданность халифу. Наконец, положившись на темперамент мединцев, заговорщики ввели в столицу несколько сотен темнолицых бедуинов гигантского телосложения, которые всегда были готовы убить за плату. Эти так называемые мстители за поправленную религию сначала издевались над халифом в мечети, потом осадили его во дворце, который защищали только пятьсот человек, в основном рабов, под командованием Мервана. Существовала надежда, что Осман отречется по доброй воле, но она не оправдалась. Веря, что никто не осмелится посягнуть на его жизнь, или рассчитывая на помощь Муавии, халиф проявил твердость. Поэтому возникла необходимость в экстренных мерах. После осады, продлившейся несколько недель, головорезы ворвались во дворец, убили почтенного восьмидесятилетнего старца, читавшего Коран (он читал суру, содержащую слова: «Тех, которые, когда им сии люди сказали: неприятели уже ополчились против нас, бойтесь их, только увеличили свою веру и говорили: Бог наше довольство, он надежный защитник»), и, в довершение

всего, разграбили государственную казну. Мерван и другие Омейяды успели скрыться (656 г.). Мединцы или «защитники», они же ансары – это название перешло от сподвижников пророка к их потомкам, – держались в стороне, а дом, из которого убийцы вошли во дворец, принадлежал Бени Хазм, семье «защитников», которая позже привлекла внимание своей ненавистью к Омейядам. Этот неуместный нейтралитет, слишком напоминающий соучастие, стал предметом сурового упрека поэта Хассана ибн Сабита, бывшего придворного поэта Мухаммеда, а теперь преданного сторонника Османа. Он имел основания опасаться, что Омейяды будут мстить его соплеменникам за смерть родственника. «Когда почтенный старец, – писал он, – смотрел смерти в лицо, защитники не пошевелили пальцем, чтобы его спасти. Увы, вскоре в ваших стенах зазвучат крики: Бог велик, месть! Месть за Османа!»

Али, сын Абу Талиба и муж Фатимы, дочери пророка, поставленный на халифат «защитниками», уволил всех правителей Османа и заменил их мусульманами старой школы, по большей части тоже «защитниками». Ортодоксальная партия одержала верх. Она принялась восстанавливать повсеместно свою власть, подавлять племенную знать и Омейядов – обращенных вчерашнего дня, которые стремились стать понтификами и наставниками завтрашнего дня. Только их триумф оказался непродолжительным. Разногласия начались даже на самом высоком уровне. Каждый из триумфиров, нанимая убийц Османа, считал, что халифат в его руках. Разочарованные Тальха и Зубайр, вынужденные под угрозой оружия принести клятву верности своему более удачливому сопернику, покинули Медину и присоединились к честолюбивой и коварной Аише. Вдова пророка раньше пыталась устроить заговор против Османа, но теперь призвала население отомстить за него и выступить против Али, которого она ненавидела всем сердцем – ведь он ранил ее гордость, опорочив ее еще при жизни супруга.

Никто не мог предвидеть исход борьбы, которую начала Аиша. Силы единомышленников все еще были невелики. Али мог рассчитывать только на убийц Османа и «защитников». Соперников могла рассудить нация в целом, но она оставалась нейтральной. Убийство хорошего старого человека вызвало негодование во всех провинциях раскинувшейся на большой территории империи, и, если бы пособничество Зубайра и Тальхи было менее известно, они, возможно, могли бы завоевать симпатию масс, как противники Али. Но об их участии в преступлении было известно всем. «Должны ли мы показать тебе, – говорили арабы Тальхе в мечети Басры, – письмо, в котором ты призываешь нас восстать против Османа?» А Зубайру напоминали, как он принуждал население Куфы бунтовать. Едва ли можно было найти человека, который поднял бы меч за одного из этих лицемеров, которых одинаково презирали.

Тем временем было признано желательным, насколько возможно, сохранить организацию, созданную Османом, а также правителей, которых он назначил. Соответственно, когда чиновник, которому Али поручил управление в Куфе, прибыл к месту назначения, его встретили арабы, заявившие, что требуют наказания убийц Османа, что они намерены сохранить своего прежнего правителя, а ему лучше немедленно вернуться, если, конечно, он не хочет лишиться головы. «Защитник», назначенный управлять Сирией, был остановлен на границе отрядом всадников. Их командир поинтересовался, зачем он приехал. Тот надменно ответил, что будет их эмиром. Ему сообщили, что если его послал любой другой человек, кроме Османа, то для него будет лучше повернуть обратно. «Защитник» спросил, знают ли эти люди, что произошло в Медине. «Мы знаем это очень хорошо и именно поэтому советуем тебе убраться туда, откуда ты пришел». «Защитник» оказался благоразумным и последовал совету.

Наконец Али удалось найти подходящих друзей и полезных слуг среди арабов Куфы. Их он привлек на свою сторону не без трудностей, обещав поселиться в этом городе и, таким образом, сделать его столицей империи. С их помощью он одержал верх в так называемой «верблюжьей битве», имевшей место недалеко от Басры в 656 году. Она получила название из-за верблюда Аиши, возле которого был пункт сбора. После этого сражения Али избавился от конкурентов. Тальха был смертельно ранен в бою, а Зубайр убит во время бегства. Аиша

попросила о милосердии и получила его. Победу обеспечили защитники, которые составили большую часть кавалерии.

С тех пор Али стал хозяином Аравии, Ирака и Египта, в том смысле, что его власть открыто не оспаривалась в провинциях. Тем не менее к его правлению относились холодно, а нередко и с отвращением. Арабы Ирака, сотрудничество которых имело большое значение, неизменно находили повод не появляться на поле боя по его приказу. По собственному выражению Али, зимой для них было слишком холодно, а летом – слишком жарко.

Одна только Сирия упорно отказывалась признать Али. Муавия не мог покориться, даже если бы захотел, не запятнав свою честь. Разве мог Муавия оставить безнаказанным убийство родственника? Разве мог он покориться человеку, среди военачальников которого были убийцы? Более того, даже если бы он не слышал зова крови, его подстегивало честолюбие. При желании Муавия, вероятно, смог бы спасти Османа, выступив ему на помощь. Но это не принесло бы никакой выгоды самому Муавии, который при жизни Османа оставался бы тем же, кем был, – правителем Сирии, и не более того. Он признавал, что с тех пор, как пророк сказал ему: «Если ты получишь независимость, прояви себя с лучшей стороны», его единственной вожаделенной целью был халифат.

А теперь обстоятельства благоприятствовали ему; он надеялся получить все и был готов пойти на риск. Его амбиции вот-вот реализуются! Он отбросит все колебания, все сомнения. Его дело правое. Он может положиться на арабов Сирии, которые принадлежали ему телом и душой. Культурный, дружелюбный, щедрый человек, хорошо понимающий людей, милосердный или жестокий – по обстоятельствам, Муавия знал, как добиться уважения и преданности своими личными качествами. Дополнительную связь между ним и его людьми образовала общность взглядов, чувств и интересов. Для сирийцев ислам был невожребованной, невнятной и чрезвычайно запутанной формулой, которой они даже не пытались придать смысл. Обязанности и церемонии, предписанные этой религией, были для них скучны. Они испытывали закоренелую ненависть к знатным выскочкам, которые не имели никакого права управлять ими, за исключением того, что были сподвижниками пророка и глубоко сожалели о вождях племен. Они были готовы без лишних слов идти на оба святых города, разграбить и сжечь их и убить жителей. Сын Абу Суфьяна и Хинд разделял их желания, их опасения, обиды и надежды. Таковы были причины симпатии, существовавшей между принцем и его подданными, и они проявились впоследствии, когда Муавия после долгого и славного правления испустил последний вздох и ему были отданы последние почести. Эмир, которому Муавия доверил управление до того, как наследник трона Язид прибыл в Дамаск, велел, чтобы гроб несли родственники славного покойника. Но в день погребения сирийцы обратились к эмиру с просьбой позволить им принять участие в церемониях. Они сказали, что при жизни халифа участвовали во всех его начинаниях, делили с ним радости и горести. Получив разрешение, они так энергично стремились вперед, чтобы коснуться кончиками пальцев носилок, на которых лежали останки любимого принца, что покров оказался разорванным в клочья.

С самого начала Али было ясно, что сирийцы считали дело Муавии своим. Ему рассказали, что каждый день сотни тысяч человек приходят к мечети и горюют перед запятнанной кровью рубашкой Османа, обещая отомстить за него. Прошло уже шесть месяцев после убийства, и Али, победитель в «верблюжьей битве», последний раз предложил Муавии покориться. Тогда Муавия продемонстрировал собравшимся в мечети арабам окровавленную одежду и несколько пальцев преданной жены Османа Наилы, которая пыталась его спасти, и попросил совета. Его почтительно выслушали, после чего один из собравшихся, выступавший от имени остальных, сказал: «Принц, это ты должен советовать и приказывать, а мы – подчиняться и исполнять». После этого было объявлено, что все мужчины, способные держать оружие, должны немедленно встать под знамена своего клана, и тот, кто окажется отсутствующим по истечении трех дней, будет казнен. В назначенное время явились все до единого человека.

Энтузиазм был искренним и всеобщим. Людям предстояло бороться за общее дело. Одна только Сирия дала Муавии больше солдат, чем все остальные провинции, вместе взятые, дали солдат Али. Последнему оставалось только с большим сожалением сравнивать горячую преданность сирийцев с безразличием его арабов Ирака. «Я бы с удовольствием обменял десяток вас на одного солдата Муавии, – сказал он. – Судя по всему, сына «пожирательницы печени» ждет триумф».

Представлялось вероятным, что решающее сражение произойдет на равнинах Сиффина, у правого берега Евфрата, к западу от Никефориума, в месте слияния рек Евфрат и Белик. Однако после того как противоборствующие армии сблизились, еще несколько недель прошло в неэффективных переговорах и горячих, но ничего не решивших стычках местного значения. Обе стороны избегали генерального сражения. Но наконец, когда все попытки примирения оказались безуспешными, началась битва. Ветераны – сподвижники Мухаммеда – сражались с фанатичной яростью тех дней, когда они заставили бедуинов выбирать между исламом и смертью. В их глазах арабы Сирии были, по сути, язычниками. «Моя клятва! Моя клятва! – восклицал Аммар, бывший правитель Куфы, один из убийц Османа, – ему уже перевалило за девяносто. – Нет ничего более достойного в глазах Бога, чем вступить в бой с неверными. Если я погибну от ударов их копий, я стану мучеником за истинную веру. Следуйте за мной, сподвижники пророка. Ворота рая открыты для нас. Гурии ждут нашего прихода». Бросившись в самую гущу сражения, он дрался как лев, пока наконец, израненный, не пал мертвым. Арабы Ирака, осознав, что на карту поставлена их честь, сражались храбрее, чем можно было ожидать, и в какой-то момент кавалерия Али так энергично устремилась в атаку, что сирийцы дрогнули. Опасаясь, что сражение проиграно, Муавия уже поставил ногу в стремя, чтобы спастись, но тут к нему пришел Амр, сын аль-Аса.

– А вот и ты! – воскликнул принц. – Ты всегда хвастался, что умеешь преодолевать трудности. Быть может, тебе известен способ предотвратить несчастье, которое нам угрожает? Ты же помнишь, я обещал тебе управление Египтом, если мы одержим верх. Посоветуй, что делать. – Амр, поддерживавший связь с армией Али, посоветовал Муавии приказывать всем солдатам, у которых есть копия Корана, привязать свитки к остриям своих копий, а после этого объявить, что спор решит сама священная книга.

– Я беру на себя всю ответственность за этот совет. Он надежен.

На самом деле Амр, предвидя поражение, предварительно договорился об этом театральном ударе с несколькими вражескими лидерами, среди которых был Ашас, величайший предатель своего времени. У Ашаса (который, еще будучи язычником, храбро присвоил себе титул царя) не было причин хорошо относиться к исламу и его творцу. Когда он отрекся от ислама при Абу Бакре, он видел, как весь гарнизон его крепости был обезглавлен мусульманами. Муавия последовал совету Амра и приказал, чтобы солдаты привязали свитки Корана к остриям копий. Только немногие из восьмидесяти тысяч человек имели в своем распоряжении священную книгу. Едва нашлось пять сотен экземпляров. Но и этого хватило. Ашас и его друзья собрались вокруг халифа и сказали:

– Мы покоряемся решению священной книги и просим перемирия.

– Это хитрость! – воскликнул Али, дрожа от ярости. – Грязный трюк. Эти сирийцы не знают, что такое Коран: все их действия нарушают его наставления.

Ему возразили, что борьба идет за священную книгу и нельзя отказаться от ее решения.

– Нет, мы воюем, чтобы заставить этих людей подчиниться божественным законам. Они восстали против Всевышнего; они отвергли священную книгу. Вы думаете, что Муавии, Амру и остальным есть дело до религии или Корана? Я знаю их лучше, чем вы. Я знал их еще детьми, знал их мужчинами и отцами своих детей. Они всегда были пособниками беззакония. – На это он получил ответ, что тем не менее противник обратился к божественной книге, а халиф Али – к мечу.

Али, осознав, что его бросают, объявил:

– Ах так? Убирайтесь! Присоединяйтесь к тем, кто организовал союз против пророка. Уходите и объединяйтесь с людьми, которые кричат: «Бог и его пророк», но все это ложь и обман.

Тогда от него потребовали, чтобы он отозвал Аштара, который командовал кавалерией с поля, иначе его постигнет судьба Османа.

Понимая, что они, не задумываясь, претворят в жизнь угрозу, Али покорился. Он отправил соответствующий приказ победоносному военачальнику аль-Аштару, преследовавшему отступающего противника. Аштар отказался подчиниться. Он заявил, что не может повернуть обратно, когда победа уже практически в его руках. И тогда один из посланников, араб из Ирака, сказал: «Что стоит твоя победа, если Али будет убит?» С тяжелым сердцем храбрый Аштар приказал отступить. В тот день бывший царь Кинды познал сладость мести: это он организовал поражение благочестивых мусульман, которые лишили его царства и убили его соплеменников. Али послал его к Муавии, чтобы уточнить, как он предлагает решить спор с помощью Корана. Муавия ответил, что он и Али должны выбрать посредника. А уже потом два посредника решат, в соответствии с Кораном, у кого из нас двоих больше прав на халифат. Сам он выбрал Амра, сына аль-Аса.

Получив ответ, Али решил выбрать Абдуллу, сына Аббаса. Но это посчитали недопустимым: такой близкий родственник не может быть беспристрастным. Далее Али предложил своего храброго военачальника Аштара. Люди возразили, считая, что именно Аштар разжег костер войны, и предатель Ашас сказал, что посредником должен стать Абу Муса – другого люди не признают.

– Но этот человек затаил на меня злобу! – вскричал Али. – Я лишил его поста правителя в Куфе, и с тех пор он меня обманывает. Это он помешал арабам Ирака участвовать в бою. Ему нельзя доверять.

Но другого посредника люди отказались признавать, и снова начались угрозы. В конце концов Али был вынужден дать свое согласие. Двенадцать тысяч солдат потребовали, чтобы он отказался от этого соглашения, и, получив отказ, покинули поле боя. Среди них был, как минимум, один предатель – Ашас, но в основном это были благочестивые чтецы Корана, честные люди, преданные своей религии – традиционному исламу. Но то, что они считали традиционным исламом, не было таковым в понимании Али и мединской знати. В течение долгого времени, возмущенные порочностью и лицемерием сподвижников пророка, которые использовали религию для продвижения своих земных честолюбивых идей, эти «неконформисты» решили при первой возможности отделиться от официальной церкви. Они называли себя хариджитами, что значит: «тот, кто покидает дом среди неверующих во имя Бога». Они все до единого были республиканцами и демократами, как в религии, так и в политике, строгими моралистами, ставившими безбожие в один ряд со смертными грехами. У них можно найти общие черты с английскими приверженцами Кромвеля.

Некоторые хронисты утверждают, что посредника, выбранного Али, перехитрил его коллега; другие уверены, что он предал своего хозяина. В любом случае война вспыхнула снова. Али терпел одно поражение за другим, покрывая себя позором. Победоносный противник лишил его последовательно Египта и Аравии. Хозяин Медины, сирийский военачальник, взойдя на трон, воскликнул: «Аус и хазрадж! Что стало с почтенным старым человеком, который здесь жил? Клянусь небом, если бы я не опасался гнева Муавии, моего хозяина, то не пощадил бы ни одного из вас. А так поклянитесь в верности Муавии, и вы будете прощены!» Большинство защитников отсутствовали – были в армии Али – но клятва прозвучала от остальных.

Вскоре после этого Али пал жертвой мести юной девушки из хариджитов, отца и брата которой он приказал обезглавить и которая, в качестве платы за свое согласие на брак с кузеном, потребовала от него голову халифа (661 г.).

Хасан, сын Али, получивший прозвище Разводящийся, унаследовал претензии отца на халифат. Он не был прирожденным лидером. Ленивый и чувственный, он предпочитал легкую роскошную жизнь без осложнений славе, могуществу и заботам трона. Поэтому фактическим главой партии стал Кайс, сын Саада, «защитник»-ансар, человек гигантского роста и атлетического телосложения, находившийся в отличной физической форме, отличившийся храбростью в двадцати сражениях. Его набожность была достойна подражания. Что бы ни происходило, он всегда выполнял свои религиозные обязанности. Как-то раз во время молитвы он увидел большую змею, свернувшуюся на том самом месте, которого он должен был коснуться лбом. Слишком ответственный, чтобы прервать молитву, он опустил голову на пол рядом со змеей. Та обвилась вокруг его шеи, не причинив ему зла. Только закончив молитву, он схватил рептилию и отбросил ее прочь. Этот благочестивый мусульманин ненавидел Муавию потому, что считал его врагом своих соплеменников вообще и своей семьи в частности, а также неверным. Кайс ни за что бы не признал, что Муавия тоже мусульманин. Взаимная ненависть эти двух людей достигла такой глубины, что, когда Кайс был правителем Египта – при Али, они обменивались письмами лишь для того, чтобы оскорблять друг друга. Один начинал свое письмо словами «еврей, сын еврея», а другой отвечал на это: «Язычник, сын язычника! Ты принял ислам неохотно, по принуждению, зато отрекся от него по доброй воле. Твоя вера, если она у тебя есть, принадлежит вчерашнему дню, но твое лицемерие вечно». С самого начала мирные цели Хасана не признавались. «Протяни руку, – обращался к нему Кайс. – Я поклянусь тебе в верности, если ты сначала поклянешься подчиняться Божественной книге, а также законам, установленным пророком, и обращать меч против наших врагов». «Я клянусь, – отвечал ему Хасан, – покориться небесам и подчиниться Божественной книге и законам пророка; но ты должен, в свою очередь, покориться мне, воевать с теми, кому я объявляю войну, и вкладывать меч в ножны, когда я заключаю мир». Кайс дал клятву, но слова халифа оказали вредное воздействие. Люди считали, что он не тот человек, который нужен, и никогда не станет воевать. Для «защитников»-ансаров все будет потеряно, если Муавия одержит верх. Их опасения довольно быстро оправдались. В течение нескольких месяцев Хасан, хотя в его распоряжении были отнюдь не малые силы, бездействовал при Мадаине, что на Тигре (его называли двойным городом, поскольку он находился на месте более древнего Ктесифона и Селевкии). Вероятно, велись переговоры с Муавией. Наконец, Хасан направил Кайса к сирийской границе, но со слишком малыми силами, и brave ансар был разгромлен более крупными силами противника. Беженцы, в большом смятении добравшиеся до Мадаина, выразили недовольство Хасаном, который, если и не предал их открыто, дал повод себя заподозрить. После этого Хасан, отказавшись от всех претензий на халифат, заключил мир с Муавией. Последний гарантировал ему отличную пенсию и амнистию для всех его последователей.

У Кайса, однако, все еще оставалось под командованием пять тысяч воинов: все они после смерти Али в знак траура побрили головы. С этой небольшой армией он намеревался продолжать войну. Правда, он не был уверен, что воины разделяют его пылкий энтузиазм, и потому обратился к ним со следующими словами: «Если таково ваше желание, мы будем продолжать сражаться и умрем все до последнего человека, но не сдадимся. Но если вы хотите просить о мире, да будет так. Делайте выбор». Солдаты выбрали мир.

Кайс в сопровождении своих самых близких соплеменников явился к Муавии, чтобы молить о прощении для себя и своих людей. Он напомнил ему слова пророка, который, уже находясь на смертном одре, поручил «защитников» другим мусульманам, сказав: «Почет и хвала тем, кто давал убежище пророку и твердо закрепил фундамент его дела».

В заключение Кайс дал понять Муавии, что ансары с радостью будут служить ему: несмотря на их набожность и нежелание служить неверующему, они не могут примириться с утратой важных и выгодных постов. Муавия на это ответил:

– Я не знаю, ансары, какое право вы имеете на мое милосердие. Клянусь небом, вы всегда были моими непримиримыми врагами. Это вы в битве при Сиффине едва не разгромили меня – тогда ваши блестящие копья сеяли панику среди моих людей. Сатира ваших поэтов больно жалила меня. А теперь, когда Бог установил то, что вы старались разрушить, вы приходите ко мне и предлагаете обратить внимание на слова пророка. Нет, союз между нами едва ли возможен!

Кайс, гордость которого была уязвлена, сменил тон:

– Право на твое милосердие дает нам то, что мы хорошие мусульмане: одного только этого достаточно в глазах Бога. Это правда, что люди, объединившиеся против пророка, имеют другие доводы, более весомые для тебя. Мы не завидуем им. Да, мы были твоими врагами на поле боя, но, будь у тебя желание, ты мог бы предотвратить войну. Пусть наши поэты провоцировали тебя своими сатирами, но то, что в них ложно, забудется, а правда останется. Твоя власть установлена. Хотя с сожалением, но мы признаем этот факт. В битве при Сиффине, когда мы были близки к победе над тобой, мы сражались под знаменами человека, который верил, что выполняет волю Всевышнего. Что касается наставлений пророка, каждый правоверный будет следовать им. Но раз ты заявляешь, что наше единство невозможно, теперь только Бог может помешать тебе творить зло, о Муавия!

Возмущенный такой дерзостью, халиф закричал:

– Немедленно убирайтесь!

«Защитники» уступили. Власть вернулась к вождям племен – старой знати. Тем не менее сирийцы не чувствовали удовлетворения. Они рассчитывали полностью насладиться всеобъемлющей местью. Муавия, человек умеренный, не позволил этого, однако они понимали: настанет день, когда конфликт вспыхнет снова, и тогда борьба уже будет не на жизнь, а на смерть. Что касается «защитников», их сердца терзали гнев и раздражение. Пока жив Муавия, власть Омейядов настолько прочна, что пытаться свергнуть ее – бесполезно. Но Муавия не бессмертен. Решив не поддаваться отчаянию, мединцы стали готовиться к будущим сражениям.

Во время этого периода вынужденного бездействия задача воинов перешла к поэтам обеих сторон. Кровожадные сатиры давали выход взаимной ненависти. Ссоры и перебранки вспыхивали ежедневно. И если сирийцы и принцы из Омейядов не упускали ни одной возможности продемонстрировать ансарам ненависть и презрение, последние платили им той же монетой.

Глава 4

Язид I

Муавия незадолго до смерти посоветовал своему сыну Язиду бдительно следить за Хусейном, вторым сыном Али. Его старший сын, Хасан Разводящийся, к этому времени уже умер, отравленный одной из жен. Шииты верили, что к этому причастен Муавия. Также следовало присматривать за Абдуллахом, сыном Зубайра, в свое время претендовавшим на трон. Эти люди были опасны. Они оба жили в Медине. Когда Хусейн сообщил Абдуллаху, что халиф, судя по всему, мертв, тот проинформировал его о своих намерениях: «Я никогда не признаю Язида своим сувереном! Он пьяница, распутник и имеет безрассудную страсть к охоте». Абдуллах не ответил, хотя имел такое же мнение.

Язид I не обладал ни умеренностью, ни утонченными манерами отца, а также не разделял его склонности к легкой жизни и комфорту. Он был точной копией своей матери Майсун, удалой бедуинки, которая, по ее собственному выражению, предпочитала свист ветра в пустыне стараниям даже самых талантливых музыкантов и сухую корку хлеба, съеденную в тени шатра, всем пышным яствам, подаваемых ей в роскошных залах Дамаска. Прошедший обучение под руководством матери в племени бени кельб, Язид получил качества скорее уместные для молодого вождя племени, чем для монарха. Он презирал церемонии и этикет, был учтив со всеми, весел, щедр, красноречив. Кроме того, он был весьма неплохим поэтом, любил охоту, танцы, вино и песни. Его отношение к строгой религии, во главе которой его поставил случай и против которой безуспешно боролся его дед, было прохладным. Набожность – часто неискренняя, и высокие моральные устои – нередко притворные, ветеранов ислама были чужды его открытой натуре. Он даже не пытался скрывать, что предпочитает то время, которое теологи называли Джахилией – веком невежества. И он без каких-либо угрызений совести предавался наслаждениям, запрещенным Кораном, исполняя любой каприз своего изменчивого нрава. При этом он ни с кем не соблюдал строгий этикет. В Медине его ненавидели, зато в Сирии обожали. По крайней мере, так считал Исидор. Замечания этого почти современного писателя о характере Омейядов представляют особый интерес, поскольку он выражал мнение сирийцев Испании, а более поздние арабские хронисты судили этих принцев с точки зрения мединцев.

Как и прежде, старая мусульманская партия имела изобилие командиров, но без войск. Хусейн, который, легко избежав пристального внимания доверчивого правителя Медины, нашел убежище вместе с Абдуллахом на священной земле Мекки, был счастлив, получив письмо от арабов Куфы, попросивших его возглавить их. Они обещали признать его халифом и заставить сделать то же самое все население Ирака. Посланцы из Куфы прибывали один за другим, и последний доставил послание выдающейся длины. Одни только подписи заняли сто пятьдесят листов. Напрасно осторожные и дальновидные друзья советовали ему не бросаться сломя голову в столь опасную авантюру и не доверять обещаниям и фальшивому энтузиазму народа, обманувшего и предавшего его отца. Только Хусейн, гордо демонстрируя полученные им петиции, которых, по его утверждению, было так много, что хватило бы навьючить верблюда, предпочитал слушать вредные подсказки своего честолюбия. Он покорился своей судьбе и отправился в Куфу, к большому удовлетворению своего фальшивого друга Абдуллаха, который, в то время как все считали его неспособным противостоять внуку пророка, внутренне ликовал, видя, как он покорно идет навстречу гибели, можно сказать, подставляет голову палачу.

В приверженности, которую демонстрировали делу Хусейна в Ираке, не было религиозной составляющей. Эта провинция была в особом положении. Муавия, хотя родился в Мекке, основал династию, по сути, сирийскую. При нем Сирия превратилась в доминирующую провинцию. Дамаск стал столицей империи; при халифате Али Куфа занимала почетное место.

Уязвленные в своей гордыне арабы Ирака с самого начала проявили беспокойный, мятежный, анархичный – в общем, очень арабский дух. Вскоре провинция стала местом сбора политических смутьянов всех мастей, бандитов и убийц. После этого Муавия доверил управление ею Зияду, своему сводному брату. Кто был отец Зияда, точно неизвестно, но Муавия признал его сыном Абу Суфьяна. Зияд не удовлетворился тем, что держал горячих голов в узде: он их уничтожил. Он ездил по стране с отрядом солдат, ликторов и палачей и железной рукой подавлял любые попытки поднять политические или социальные беспорядки. Благодаря его суровому, можно сказать, безжалостному управлению в провинции установилась спокойная обстановка, но именно по этой причине Ирак был готов приветствовать Хусейна.

Однако терроризм держал в своих когтях жителей провинции крепче, чем они сами это понимали. Зияда больше не было, но он оставил сына, достойного отца – его звали Обайдаллах. Именно ему Зияд доверил задачу подавить заговор в Куфе, когда Нуман ибн Башир, правитель города, выказал умеренность, показавшуюся халифу подозрительной. Выступив из Басры во главе войска, Обайдаллах остановился на некотором расстоянии от Куфы. Закрыв лицо, он ночью вошел в город в сопровождении всего десяти солдат. Чтобы прозондировать настроения горожан, он сказал своим людям, чтобы они во всеуслышание называли его Хусейном. Многие знатные горожане предложили ему гостеприимство. Фальшивый Хусейн отказался от их приглашений, и, окруженный взволнованной толпой, скандировавшей «Да здравствует Хусейн!», он направился к крепости. Нуман сразу приказал закрыть ворота. Обайдаллах потребовал, чтобы их открыли и впустили внука пророка. Нуман ответил: «Возвращайся туда, откуда пришел. Я предвижу твою судьбу и не хотел бы, чтобы разнесся слух об убийстве Хусейна, сына Али, в замке Нумана». Удовлетворенный этим ответом, Обайдаллах открыл лицо. Узнав его, толпа рассеялась, охваченная ужасом. А Нуман почтительно приветствовал его и пригласил в крепость. На следующий день Обайдаллах объявил верующим, собравшимся в мечети, что станет отцом родным для всех, кто ему покорится, но мятежников истребит его меч. Последовали волнения, но они были довольно скоро подавлены. С тех пор больше никто не говорил о восстании.

Слухи об этих событиях достигли ушей Хусейна, когда он был недалеко от Куфы. С ним было не больше сотни человек, в основном его родственники. Тем не менее он продолжил движение вперед. Слепая и глупая доверчивость, владевшая многими претендентами, не миновала и его. Он был убежден, что, стоит ему появиться у ворот Куфы, горожане с оружием перейдут на его сторону. В районе Кербелы навстречу ему вышел отряд, посланный Обайдаллахом, получивший приказ захватить его живым или мертвым. Получив предложение сдаться, Хусейн начал переговоры. Командир отряда Омейядов – Амир ибн Саад – не выполнил отданный ему приказ. Он колебался. Амир был курашитом, сыном одного из первых учеников Мухаммеда, и идея пролить кровь сына Фатимы не могла ему понравиться. Поэтому он обратился к своему начальнику и передал ему предложения Хусейна. Получив это сообщение, даже сам Обайдаллах заколебался. Но Шамир ибн Диль-Джаушан, представитель куфанской знати, командир армии Омейядов, – араб арабов, как и его внук, с которым мы впоследствии встретимся в Испании, – укрепил его решимость, заявив, что, если судьба отдает врага тебе в руки, колебания неуместны. Хусейн должен сдаться без всяких условий. И Обайдаллах отправил своему командиру соответствующий приказ. Но хотя Хусейн отказался сдаться без условий, его не атаковали. Тогда Обайдаллах выслал другой отряд, которым командовал Шамир, отдав ему приказ отрубить курашиту голову и принять командование его отрядом, если тот будет упорствовать в своем бездействии. Но когда Шамир добрался до лагеря, курашит, больше не колеблясь, отдал приказ о наступлении. Тщетны были увещевания Хусейна: «Если вы верите в религию, основанную моим дедом, как вы сможете оправдать свои поступки в Судный день?» Не помогло и привязывание свитков Корана к копьям. По приказу Шамира его люди с мечами напали на Хусейна и зарубили его. По другой версии, он был пронзен стрелой. Почти все его

спутники постарались продать свои жизни как можно дороже, но в конце концов пали на поле сражения. Это случилось 10 октября 680 года.

Будущие поколения, даже склонные к сентиментальности относительно судьбы своих неудачливых предков и зачастую не обращающие внимания на соображения правосудия, национального мира и ужасов гражданской войны, не остановленной в самом начале, считали Хусейна жертвой жестокого преступления. Персидский фанатизм довершил картину: он изобразил святого вместо обычного авантюриста, спешившего навстречу гибели из-за странного заблуждения и безумного честолюбия. Подавляющее большинство современников видели его в ином свете: они считали его клятвопреступником, виновным в государственной измене – ведь он поклялся в верности Язиду при жизни Муавии и не сумел добиться успеха, реализовав свое право на халифат.

Смерть Хусейна открыла путь другому претенденту, который был благоразумнее и по крайней мере в своих глазах способнее, чем его предшественник. Это Абдуллах, сын Зубайра. Он делал вид, что дружит с Хусейном, однако его истинные чувства были очевидны даже для Хусейна и его сторонников. «Успокойся, Ибн-Зубайр, – сказал Абдуллах ибн Аббас, распрощавшись с Хусейном, которого тщетно пытался убедить не идти в Куфу. – Для тебя, жаворонок, небеса открыты. Откладывай яйца, пой, чисть перышки – словом, делай то, что сердце пожелает. Хусейн ушел в Ирак, и весь Хиджаз твой». Тем не менее, хотя Ибн-Зубайр втайне принял титул халифа, как только уход Хусейна в Ирак освободил место, он изобразил глубочайшее потрясение и неизбежное горе, когда святого города достигли новости о трагедии. Он даже поспешил произнести патетический панегирик убитому. Абдуллах был прирожденным оратором. Он был необычайно красноречив, и никто не владел лучше него искусством сокрытия истинных чувств и демонстрации чувств притворных. Едва ли с ним мог кто-нибудь сравниться в умении скрывать пожирающую его жажду богатств и власти под правильными словами долга, добродетели, религии и благочестия. В этом заключался секрет его влияния. Теперь, когда Хусейн больше не стоял у него на пути, Абдуллах назвал его праведным халифом, всячески превознес его добродетели и благочестие и обрушил поток брани на предателей и бандитов – арабов Ирака. Эффектную концовку его речи Язид мог бы применить к себе, если бы счел уместным: «Еще никогда этот святой человек не предпочитал звуки музыки чтению Корана, развлечения угрызениям совести, вызванным страхом перед Аллахом, обильные возлияния посту или удовольствия охоты благочестивым размышлениям. ...Очень скоро нечестивцы пожнут плоды своих богомерзких дел».

Для Абдуллаха стало делом первостепенной важности привлечь на свою сторону наиболее влиятельных «беженцев» – мухаджирунов. Он опасался, что их будет не так легко одурачить, как простой люд, относительно истинных мотивов своего восстания. Он предвидел противодействие, особенно со стороны Абдуллаха, сына халифа Омара (Умара), человека бескорыстного, глубоко религиозного и очень проникательного. Между тем Ибн-Зубайр не был малодушным и не имел обыкновение пасовать перед трудностями. Сын Омара имел супругу, набожность которой могла сравниться только с ее доверчивостью. Эта дама убедила Ибн-Зубайра, что он должен начать. Он посетил ее и долго разглагольствовал с привычной бойкостью о своем ревностном энтузиазме в отношении к ансарам, мухаджирунам, пророку и Аллаху. Когда он увидел, что его елейные речи произвели соответствующее впечатление, он попросил ее убедить Ибн-Омара признать его халифом. Она обещала сделать все от нее зависящее и тем же вечером, подавая ужин супругу, стала на все лады расхваливать Ибн-Зубайра. Свой панегирик она завершила словами:

– Ему на самом деле не нужно ничего, кроме сохранения и приумножения славы Всевышнего!

Ее муж сухо и холодно ответил:

– Ты помнишь роскошный кортеж, который обычно следовал в обозе Муавии, когда он отправлялся в паломничество, – особенно великолепных белых мулов, покрытых пурпурными попонами, на которых сидели дамы в ослепительных одеждах, украшенные жемчугами и бриллиантами? Ты не могла их забыть. Именно эти мулы нужны твоему святому другу. – Сказав это, он продолжил ужин и больше не слушал свою простодушную жену.

Ибн-Зубайр уже год бунтовал против Язида, а тот все еще не обращал на него особого внимания. Такое безразличие казалось странным для правителя, который не мог похвастать наличием терпения и кротости среди своих добродетелей. Но, во-первых, Язид не считал Абдуллаха очень опасным, поскольку он, более осторожный, чем Хусейн, не покинул Мекку. Кроме того, он не имел желания без острой необходимости запятнать кровью регион, который даже в языческие времена предоставлял надежное убежище и людям, и животным. Он не сомневался, что подобный акт богохульства не добавит ему популярности в глазах верующих.

Но, в конце концов, его терпение истощилось, и он в последний раз потребовал, чтобы Абдуллах его признал. Зубайр отказался. В ярости халиф обещал, что мятежник все равно принесет клятву верности, но когда его приведут к трону в цепях. Однако когда первый порыв гнева прошел, Язид, как правило беззлобный и добродушный, пожалел о своей клятве. Но поскольку клятву нарушать нельзя, он стал придумывать способ ее сдержать, не рана гордости Абдуллаха. Он решил послать ему серебряную цепь и великолепную мантию, которая скроет от посторонних глаз весьма дорогостоящие кандалы.

Халиф назначил десять человек, чтобы отвезти эти весьма своеобразные дары Ибн-Зубайру. Во главе миссии был поставлен ансар Нуман, сын Башира, обычный посредник между ультраортодоксальной партией и Омейядами. Его сопровождали вожди разных сирийских племен, настроенные не столь примиренчески. Депутация прибыла в Мекку. Абдуллах, как и следовало ожидать, отказался принять дары халифа, однако Нуман, которого отказ не обескуражил, попытался переубедить его, взывая к здравому смыслу. Частые конфиденциальные беседы между Нуманом и Ибн-Зубайром вызвали подозрение другого депутата, Ибн-Идаха, вождя ашаритов, самого многочисленного и могущественного племени в Тивериаде. Идах решил, что Нуман – ансар, а тот, кто предал свою партию и свое племя, вполне способен предать халифа. И однажды, встретив Абдуллаха, он обратился к нему со следующими словами:

– Ибн-Зубайр, могу тебе поклясться, что Ибн-Башир не получил никаких других поручений от халифа, кроме тех, что получили все мы. Он глава нашей миссии, и это все. Клянусь Аллахом, я не понимаю, что значат ваши темные делишки. Ансары и мухаджируны – птицы одного полета, и только Аллаху известно, что они затевают.

На это Абдуллах с высокомерным презрением ответил:

– А какое тебе до этого дело? Пока я здесь, я делаю что хочу. Я неуязвим, как та голубка, которую защищает святость этого места. Никто не осмелится ее убить, потому что это будет святотатство.

– Думаешь, подобные соображения меня остановят? – удивился Ибн-Идах и повернулся к пажу, который нес его оружие: – Мальчик, дай мне лук и стрелы.

Паж подчинился. Сирийский шейх тщательно выбрал стрелу, прицелился в голубку и воскликнул:

– Голубка, Язид, сын Муавии, пьяница? Скажи «да», если посмеешь, и эта стрела пронзит тебя. Голубка, ты собираешься свергнуть халифа Язида, исключить его из числа детей Мухаммеда и надеешься на безнаказанность, потому что это святилище? Скажи, что именно это в твоём сердце, и стрела пронзит его.

– Ты же знаешь, что птица не может ответить, – с жалостью сказал Абдуллах, тщетно пытаясь скрыть тревогу.

– Это правда. Птица не может ответить. Но ты можешь, Ибн-Зубайр. Послушай: я клянусь, ты поклянешься в верности Язиду, свободно или по принуждению, иначе ты увидишь

знамя ашаритов, развевающееся над этой равниной. Имей в виду, я не стану обращать внимание на святость этой земли, на которую ты так рассчитываешь.

Услышав эту угрозу, Абдуллах побледнел. Он и помыслить не мог, что человек способен на подобную нечестивость, даже если этот человек – сириец. Дрожащим от гнева голосом он спросил:

– Ты действительно осмелишься совершить святотатство и осквернить кровью эту святую землю?

– Осмелюсь, – невозмутимо отвечал сириец, – а вина за это падет на голову того, кто выбрал святую землю, чтобы составить заговор против повелителя правоверных.

Возможно, если бы Абдуллах был твердо убежден в том, что этот шейх правильно передал чувства своих соплеменников, многих бедствий, постигших ислам и его лично, можно было бы избежать. Но Ибн-Зубайр был обречен на гибель, как уже погибли зять и внук пророка, а также многие мусульмане старой школы, сыновья сподвижников и друзей Мухаммеда. Судьба уготовила им многочисленные неприятности и беды.

Однако для Абдуллаха роковой час еще не пробил. Судьба решила, что несчастная Медина сначала должна искупить своим полным разрушением, изгнанием и убийством жителей гибельную честь предоставления убежища беглому пророку и воспитания истинных основателей ислама – фанатичных воинов, которые, покорив Аравию его именем, даровали новорожденной вере залитую кровью колыбель.

Глава 5

Разграбление Медины

Шел 682 год от Рождества Христова. Солнце только что опустилось за горный хребет, протянувшийся к западу от Тивериады. От бывшего величия города сегодня остались только развалины, но в те времена, о которых идет речь, он был столицей провинции Иордан (в которую входила центральная часть Палестины к западу от реки; пять районов – Дамаск, Хомс, Киннасрин, Иордан и Филастин) и временная резиденция халифа Язида I. Минареты мечетей и башни зубчатых стен, залитые серебристым светом луны, отражались в спокойных водах озера – Галилейского моря, хранившего так много священных для христиан воспоминаний. Воспользовавшись ночной прохладой, из города вышел небольшой караван и направился на юг. Девять путешественников, находившихся во главе каравана, явно были высокопоставленными людьми. Но ничто в их внешности не указывало на принадлежность к придворным – халиф редко подпускал к себе людей столь зрелого возраста и с такими строгими, а то и мрачными лицами.

Некоторое время все молчали. Наконец один из путешественников заговорил:

– Итак, братья, что вы думаете о нем? Следует признать, что он проявил по отношению к нам щедрость. Тебе он дал сто тысяч монет, не так ли, сын Хандалы (Абдуллаха)?

– Сумма такова, – ответил человек, к которому был обращен вопрос. – Но он пьет вино и не считает это грехом; он играет на лютне, а его спутниками в дневное время являются охотничьи собаки, а в ночное – разбойники; он живет в кровосмесительной связи со своими сестрами и дочерьми и никогда не молится. Короче говоря, он обходится без религии. Что мы будем делать, братья? Думаете, мы можем и дальше терпеть этого человека? Мы и без того проявили неоправданную снисходительность, и, если мы продолжим в том же духе, с небес посыплются камни, чтобы уничтожить нас. Что посоветуешь, сын Синана?

– Я скажу тебе, – был ответ. – После возвращения в Медину мы должны дать торжественную клятву не повиноваться этому распутнику и сыну распутника, а потом мы поступим правильно, засвидетельствовав почтение сыну мухаджируна.

Пока он произносил свою речь, мимо проследовал человек, ехавший в противоположном направлении. Большой капюшон плаща скрывал его лицо, и путешественники не смогли бы его рассмотреть, даже если бы их внимание не было отвлечено беседой, которая с каждой минутой становилась все более оживленной. Когда путешественники удалились за пределы слышимости, человек в капюшоне остановился. Даже простая встреча с ним была, по понятиям арабов, дурным знаком, поскольку он был одноглазым, – этот предрассудок распространился по всему Востоку. Более того, его лицо, обращенное на путешественников, было искажено злобой и ненавистью, единственный глаз метал молнии. Едва слышно одноглазый проговорил: «Клянусь, если я еще когда-нибудь встречу с тобой, там, где смогу тебя убить, я не пощажу тебя, сын Синана, хотя ты и сподвижник Мухаммеда».

Путешественники были жителями Медины. Они являлись представителями знати этого города, и все до одного были мухаджирунами или ансарами. Далее мы вкратце расскажем об обстоятельствах, которые привели их ко двору халифа.

В Медине начались беспорядки, появились первые признаки восстания. Ссоры возникли из-за пахотных земель и плантаций финиковых пальм, которые Муавия в свое время выкупил у местных жителей, но теперь они требовали их обратно, утверждая, что он заставил их продать земли за сотую часть их реальной стоимости. Правитель Осман, полагавший, что его родственник халиф легко найдет способ уладить разногласия, да еще и сумеет втереться в доверие к местной знати, благодаря своим дружелюбным манерам и щедрости, предложил направить миссию в Тивериаду, и его совету последовали. Но хотя правителем руководили самые доб-

рые намерения, выяснилось, что правитель совершил не просто опрометчивый проступок, но непростительную ошибку. По непонятной причине он даже не подумал о том, что знать Медины обязательно расскажет согражданам о нечестивых привычках его кузена, что лишь ускорит начало восстания. Ему надо было не предлагать визит ко двору халифа, а стараться любой ценой его предотвратить.

Ход событий можно было легко предвидеть. Язид действительно предложил гостеприимство прибывшим гостям, причем оно было одновременно и сердечным, и учтивым. Он проявил большую щедрость, подарил ансару Абдуллаху, сыну Хандалы, знатного и смелого воина, павшего при Оходе, сражаясь за Мухаммеда, сто тысяч серебряных монет и еще по десять или двадцать тысяч монет выделил каждому гостю, в зависимости от ранга. Заметим, что десятый депутат, Мундир ибн Зубайр, не сопровождал своих коллег на обратном пути в Медину, получив разрешение Язида посетить Ирак. Однако Язид не был лицеприятным человеком, а его двор не являлся образцом умеренности и приличий. Распушенность халифа и его любовь к бедуинам – которые, этого нельзя не признать, временами были лишь немногим лучше бандитов – потрясли строгих пуритан – граждан Медины, заклятых врагов сынов пустыни.

После возвращения в Медину депутаты не только не постарались смягчить нечестивые привычки халифа, они сделали разоблачения, которые, вероятнее всего, преувеличили то, что они видели или слышали. Их обвинения, проникнутые благочестивым гневом, произвели настолько сильное впечатление на сердца людей, готовых верить в худшие сплетни о Язиде, что в мечети разыгралась необычная сцена. Когда мединцы собрались, один из депутатов объявил:

– Я сброшу Язида, как сбрасываю этот тюрбан! – С этими словами он швырнул на землю свой головной убор. – Язид осыпал меня дарами, я это признаю, – продолжил он. – Но он пьяница и враг Бога.

– Что касается меня, – продолжил другой депутат, – я сброшу Язида, как сбрасываю свои сандали.

Вмешался третий депутат:

– Я сброшу его, как сбрасываю этот плащ.

Остальные последовали их примеру, и вскоре мечеть явила собой весьма необычное зрелище: повсюду были разбросаны тюрбаны, плащи и предметы обуви. Высказав, таким образом, свое намерение свергнуть Язида, мединцы, в качестве следующего шага, решили изгнать из города всех Омейядов, которые в нем находятся. Соответственно, последним было велено немедленно покинуть город, предварительно дав клятву не оказывать помощи солдатам, которые идут на город, а, наоборот, дать им отпор. Если же это окажется невозможно, не возвращаться в город с сирийскими войсками. Правитель Осман безуспешно пытался убедить повстанцев, что, изгнав его, они накликут на город опасность. Он объяснил им, что к городу идет сильная армия, которая сокрушит его. И если горожане не изгонят своего правителя, у них будет повод получить снисхождение от победителей. Осман предложил им сначала одержать победу, а уж потом изгонять его, говоря, что этот совет дает им ради их же блага, чтобы избежать кровопролития. Но только мединцы не пожелали прислушаться к гласу рассудка. Они осыпали своего правителя, так же как халифа, проклятиями, сказав, что начнут с него, а уж потом за ним последуют его родственники. Омейяды пришли в ярость. Мерван – который был сначала хаджибом халифа Османа, а потом правителем Медины – назвал людей нечестивыми, а их религию – мерзкой. Тем не менее он столкнулся с немалыми трудностями, когда искал, кому можно доверить свою жену и детей. Обстоятельства были против Омейядов. Они дали требуемую клятву и направились к выходу из города. Им вслед неслись проклятия населения и летели камни. А некто Хорейс Прыгун, названный так, поскольку был лишен прежним правителем ноги и передвигался прыжками, без усталости погонял животных, на которых ехали несчастные изгнанники, покидавшие город, как опаснейшие преступники. Через некоторое время они достигли Дху-Хошоб, где им следовало ожидать дальнейших распоряжений.

Первым делом они отправили гонца с просьбой о помощи к Язиду. Об этом узнали мединцы. Пятьдесят всадников немедленно устремились в погоню за Омейядами, вынудив их бежать с места остановки. Прыгун и здесь не упустил возможности отомстить. С помощью одного из представителей Бени Хазм (семья ансаров, которая поддержала убийство халифа Османа, предоставив свой дом в распоряжение повстанцев) он погонял верблюда Мервана так сильно, что тот едва не сбросил седока. Опасаясь худшего, Мерван спешился и предложил перепуганному животному спастись самостоятельно. Когда они добрались до деревушки Совайда, что в 60 милях к северо-западу от Медины, Мерван встретил одного из своих освобожденных рабов, который жил там и пригласил бывшего хозяина разделить с ним пищу. Мерван ответил: «Прыгун и его достойные товарищи не позволят мне остаться. Если будет угодно небесам, однажды этот человек окажется в нашей власти, и тогда, не сомневаюсь, его руку постигнет та же судьба, что ногу». Только когда Омейяды достигли Вадиль-Куры, что в 20 милях к северу от Совайды, им было позволено отдохнуть.

Тем временем начались ссоры между самими мединцами. Пока у них была общая цель – выдворить из города Омейядов, оскорблять их и издеваться над ними, жители города были единомышленны. Однако их мнения резко разделились, когда зашла речь о выборе халифа. Курайш не желал ансара, а ансар отказывался видеть на этом посту курашита. Но поскольку необходимость согласия представлялась очевидной, было решено отложить этот вопрос и выбрать временных правителей. А к вопросу о новом халифе можно будет вернуться после свержения Язида. Гонец, посланный Омейядами, – его звали Хабиб – проинформировал Язида о случившемся. Когда Язид услышал новости, он был больше удивлен и возмущен слабостью своих родственников, чем поступком горожан.

– Неужели Омейяды не могли собрать тысячу человек, чтобы оказать сопротивление? – спросил он.

– Разумеется, – ответил гонец. – Омейяды могли собрать и три тысячи человек.

– И с такими значительными силами они даже не попытались сопротивляться мятежникам?

– Их было слишком много. Сопротивление было бы бесполезным.

Если бы Язидом владело только негодование на людей, которые взбунтовались после того, как получили от него крупные суммы денег, он бы выслал против них армию. Но он все еще желал избежать ссоры с фанатиками. Возможно, он помнил слова пророка о том, что проклятие Бога, ангелов и людей падет на того, кто обратит меч против мединцев. В любом случае он во второй раз продемонстрировал умеренность, что было тем более удивительно, поскольку являлось нехарактерным. Желая принимать только мягкие меры, он направил ансара Нумана, сына Башира, с миссией в Медину. Все было тщетно. Это правда, что ансары не остались совершенно равнодушными к благоразумному совету своих соплеменников, утверждавших, что их слишком мало и они слишком слабы, чтобы противостоять армиям Сирии. Но все племя курайш было за войну, и его вождь Абдуллах, сын Моти, заявил Нуману:

– Убирайся прочь! Ты явился, чтобы уничтожить дружбу, которая, хвала Богу, сейчас царит среди нас.

– Сейчас ты дерзок и смел, – отвечал Нуман, – но я хорошо знаю, что ты станешь делать, когда армия Сирии подойдет к воротам Медины. Тогда ты бежишь в Мекку, сев на самого быстрого мула, и бросишь на произвол судьбы несчастных ансаров, которых станут резать на улицах, в мечетях, на порогах их собственных домов.

В конце концов, убедившись в бесполезности своих усилий, Нуман вернулся к Язиду и доложил халифу о провале своей миссии.

– Да будет так, – ответил халиф, – пусть их растопчут копыта моей сирийской кавалерии.

Экспедиционное войско численностью десять тысяч человек, подготовленное для отправки в Хиджаз, должно было подавить другой святой город, Мекку, так же как Медину.

Поскольку военачальник, которому Язид доверил командование, только что умер, на его место претендовало сразу несколько кандидатов, желавших уничтожить высочек-аристократов. Некоторые церковные историки утверждают, что два военачальника – Обайдаллах ибн Зияд и Амр ибн Саид – отказались, по религиозным соображениям, нападать на святые города. Ранние хронисты об этом не пишут. С другой стороны, оба упомянутых выше военачальника имели личные счеты с Язидом. Халиф еще не решил, какого из претендентов выбрал, когда к ним присоединился человек с богатым военным опытом. Это был не кто иной, как одноглазый всадник, которого мы встречали на дороге у Тивериады.

Трудно было найти лучшего представителя давно ушедших дней и старых языческих принципов, чем ветеран Муслим, сын Окбы из племени Музайна. (Окба был основателем Кайруана в 677 году.) На него не упала даже тень веры Мухаммеда. Все, что мусульмане считали для себя священным, не было таковым в его глазах. Муавия знал о его чувствах и уважал их. Он рекомендовал его сыну как самого подходящего человека для подчинения мединцев, в случае если они взбунтуются. Между тем, хотя Муслим не верил в божественную миссию пророка, он непоколебимо верил в предрассудки язычества – пророческие видения и таинственные слова, исходившие от растения гаркад – крупного колючего кустарника, который в язычестве в некоторых частях Аравии считался пророческим. (Кладбище, выбранное Мухаммедом возле Медины, называется Баки-аль-Гаркад.) Характерные черты Муслима стали очевидны, когда он, представ перед Язидом, сказал:

– Любой другой человек, которого ты пошлешь против Медины, потерпит неудачу. Только я могу завоевать город. Во сне я видел колючий куст, от которого исходил голос, сказавший: «От руки Муслима». Тогда я подошел ближе к месту, от которого шел голос, и услышал следующие слова: «Ты отомстишь за Османа людям Медины, его убийцам».

Убедившись, что Ибн-Окба – человек, который ему нужен, Язид назначил его командиром экспедиционных сил и отдал следующий приказ:

– Прежде чем атаковать город, дай мединцам три дня на капитуляцию. Если они откажутся подчиниться и ты одержишь верх, отдай город на три дня на разграбление. Все деньги, продовольствие и оружие, которое найдут в нем солдаты, достанутся им. После этого пусть жители Медины поклянутся стать моими рабами, а всех, кто откажется это сделать, обезглавь.

Армия, в которую входил Ибн-Идах, вождь Ашаритов, о беседе которого с сыном Зубайра уже рассказывалось, благополучно прибыла к Вадиль-Куре, где поселились Омейяды, изгнанные из Медины. Муслим приказал привести их к нему, одного за другим, чтобы узнать, каким способом лучше всего овладеть городом. Сын халифа Османа отказался нарушить клятву, которую мединцы вынудили его дать. Разозленный Муслим сказал, что непременно обезглавит бы его, не будь он сыном Османа. Он пощадил жизнь сына халифа, но обещал не пощадить ни одного курашита, который откажет ему в помощи и совете. Подошла очередь Мервана. Он тоже испытывал угрызения совести. Но, с другой стороны, он небезосновательно опасался за свою жизнь – ведь при общении с Муслимом нельзя было совершать необдуманных поступков, да и ненависть бывшего хаджиба к мединцам была слишком сильна, чтобы упустить возможность отомстить. К счастью, Мерван сообразил, что с небесами можно пойти на компромисс и, не нарушая клятву формально, нарушить ее по сути. И он велел своему сыну, Абд аль-Малику, который не давал клятвы, идти к Муслиму первым и разъяснил, что необходимо ему сказать. Он надеялся, что, услышав всю необходимую информацию от сына, Муслим не станет расспрашивать отца. Соответственно, Абд аль-Малик, представ перед полководцем, посоветовал ему вести свои войска к ближайшим пальмовым рощам, разбить там лагерь на ночь, а на следующее утро идти к Харре, расположенной к востоку от Медины, так чтобы мединцам, которые непременно выйдут навстречу врагу, солнце било в глаза. Абд аль-Малик также намекнул Муслиму, что его отец сумел связаться с некоторыми мединцами, которые, если начнется сражение, скорее всего, предадут своих сограждан. Муслим с ухмыл-

кой отметил, что отец Абд аль-Малика – весьма ценный человек, и, не требуя, чтобы Мерван предстал перед ним лично, последовал совету его сына. Он разбил лагерь к востоку от Медины на дороге в Куфу и сообщил горожанам, что дает им три дня на размышления. Три дня прошли, и мединцы отказались сдаться. Как и предвидел Мерван, жители города не стали ожидать нападения, укрываясь за стенами, хотя и укрепили их, насколько это было возможно. Они вышли навстречу 26 августа 685 года четырьмя колоннами, в которые входили три разных класса жителей города.

Мухаджируны были под командованием Макиля, сына Синана, сподвижника пророка, который во главе своего племени – ашья – помогал в захвате Мекки. Вероятно, его очень уважали в Медине, поскольку мухаджируны доверили ему командование, хотя он был из другого племени. Те представители племени курайш, которых не было среди мухаджирунов, но которые в разные времена, после захвата Мекки, жили в Медине, разделились на два отряда: одним командовал Абдуллах, сын Моти, а другим – сподвижник пророка. Четвертой, самой крупной колонной – ансаров – командовал Абдуллах, сын Хандалы. Храня полное молчание, мединцы двинулись к Харре, где собрались нечестивые язычники, которых они собирались атаковать. Командующий сирийской армией был болен, однако он приказал отнести себя на позицию, расположенную немного впереди рядов, и, доверив знамя греческому пажу, крикнул своим воинам: «Арабы Сирии! Покажите, как вы можете защитить своего полководца! Начинайте!»

И битва началась. Сирийцы атаковали врага с такой мощью, что три отряда мединцев – мухаджирунов и курайш – не устояли, и только четвертый – ансаров – отбросил сирийцев, вынудив их собраться вокруг своего командира. Обе стороны сражались с необычайным упорством. В какой-то момент неустрашимый Фадль, командовавший двадцатью всадниками под знаменем Абдуллаха, сына Ханадлы, сказал своему вождю: «Поручи моему командованию всю кавалерию, и я постараюсь пробиться к Муслиму. Если мне это удастся, один из нас умрет». Абдуллах согласился, и Фадль атаковал с такой силой, что сирийцы снова отступили. «Еще один такой натиск, дорогие друзья, – и, клянусь Аллахом, для меня или сирийского полководца этот день станет последним. Помните, победа дается храбрым». Кавалерия снова устремилась в атаку, прорвала оборону сирийцев и пробила туда, где находился Ибн-Окба. Его защищали пять сотен пеших солдат с копьями, однако Фадлю удалось пробиться прямо к знамени Муслима. Он нанес державшему его пажу сильнейший удар, раздробивший и шлем, и череп юноши, и воскликнул: «Я убил тирана!» Но только Муслим, несмотря на тяжелую болезнь, подхватил знамя, объявил врагу об ошибке и вдохновил павших духом сирийцев своими словами и примером. Израненный Фадль пал у ног врага.

В тот момент, когда мединцы увидели отряды Ибн-Идаха, готовящиеся их атаковать снова, из города донеслись крики. Их предали. Мерван не обманул Муслима. Соблазненные заманчивыми обещаниями, бени харита, самое многочисленное семейство ансаров, впустили сирийцев в город. Медина оказалась во власти врага. Все было потеряно. Мединцы попали между молотом и наковальней. Большинство солдат поспешили обратно в город, чтобы спасти женщин и детей. Некоторые, и среди них Абдуллах, сын Моти, бежали в направлении Мекки. Но Абдуллах, сын Хандалы, видимо решив, что не должен пережить этот день, крикнул: «Победа досталась врагу! Через час все будет кончено. Благочестивые мусульмане, люди города, давшего убежище пророку, когда-нибудь мы все умрем. Но лучшая смерть – смерть мученика. Так давайте же погибнем сегодня. Сегодня Бог дает нам возможность умереть за святое дело».

Сирийские стрелы летели со всех сторон, и Абдуллах снова закричал: «Те, кто хотят попасть отсюда прямо в рай, следуйте за мной!» Воины бросились за ним. Они сражались с отчаянием обреченных, решивших дорого продать свою жизнь. Абдуллах повел своих сыновей в самую гущу сражения и видел, как все они погибли. Муслим обещал золото каждому, кто принесет ему голову врага. А Абдуллах сам рубил головы с плеч направо и налево, и твер-

дая вера в то, что его жертв в другом мире ждет куда более ужасная судьба, наполняла его душу радостью. По древней арабской привычке, сражаясь, он громко читал стихи. Они вдохновляли фанатиков веры и умножали их ненависть. «Ты умрешь, – кричал он каждой жертве, – ты умрешь, но грехи твои тебя переживут! Аллах в своей Книге сказал, что неверным уготован ад!» Наконец, и он был побежден. Сводный брат Абдуллаха пал, смертельно раненный, рядом с ним. «Я умираю от мечей этих людей, – сказал он, – и больше уверен, что попаду в рай, чем если бы пал от рук язычников дейлемитов». Таковы были его последние слова. Бойня была воистину ужасной. Среди убитых было семь сотен человек, знавших Коран наизусть, – их теперь называют хафизами, и восемь сотен человек, считавшихся святыми, как сподвижники пророка Мухаммеда. (Сподвижники – асхабы, ученики и последователи сподвижников – табиины.) Никто из почтенных старцев, которые сражались при Бадре, где пророк одержал первую победу над мекканцами, не пережил этого рокового дня. Торжествующие победители вошли в город, получив разрешение грабить его в течение трех дней. Для этого им не были нужны лошади, и кавалерия поскакала к мечети, чтобы поставить их там. В этот момент в мечети был только один горожанин, Саид, сын Мусайяба, самый ученый теолог своего времени. Он увидел, что сирийцы ворвались в мечеть и привязали лошадей между минбаром Мухаммеда и его могилой – на священном месте, которое пророк называл «райским садом». При виде столь ужасного святотатства Саид впал в ступор. Сирийцы заметили его, но они так спешили приступить к грабежам, что не причинили ему зла. Больше никого не пощадили. Детей уводили в рабство или убивали. Женщин насиловали. Позже на свет появились дети, на которых навсегда легло клеймо «детей Харры».

Среди пленных оказался Макиль, сын Синана. Его терзала жажда, и он горько оплакивал свое положение. Муслим послал за ним и принял его с таким благосклонным видом, какой только мог принять.

– Ты испытываешь жажду, сын Синана, не правда ли? – спросил Муслим.

– Да.

– Дайте ему выпить того вина, которым нас снабдил халиф, – велел Муслим одному из солдат.

Приказ был исполнен, и Макиль выпил.

– Ты больше не испытываешь жажду? – спросил Муслим.

– Нет.

– Вот и хорошо! – воскликнул Муслим, неожиданно изменившись в лице. – Потому что ты пил в последний раз. Приготовься к смерти.

Старик упал на колени и попросил о милосердии.

– Кто ты такой, чтобы просить о милосердии? Разве не тебя я встретил на дороге возле Тивериады? Ты выехал в Медину вместе с другими депутатами. Разве не ты осыпал Язида оскорблениями? Разве не ты произнес слова: «После возвращения в Медину мы должны дать торжественную клятву не повиноваться этому распутнику и сыну распутника, а потом мы поступим правильно, засвидетельствовав почтение сыну мухаджируна»? Знай же, что в тот момент я поклялся, что, если снова встречу тебя и ты окажешься в моей власти, я тебя убью. И я сдержу клятву. Пусть этого человека казнят.

Приказ был сразу выполнен.

Когда грабежи завершились, те мединцы, которые еще остались в городе – а большинство жителей, которым представилась возможность бежать, уже бежали – были собраны, чтобы принести клятву Язиду. Но только это была не обычная клятва о подчинении халифу, Корану и законам Мухаммеда. Мединцы должны были поклясться, что станут рабами Язида, которых он может отпустить на волю или продать, если захочет. Им пришлось признать его абсолютную власть над всем, чем они владеют, – их женами, детьми, даже жизнью. Того, кто не желал давать такую страшную клятву, ожидала смерть. Два курашита смело заявили, что дадут

клятву только в ее обычной форме. Муслим приказал их обезглавить. Мерван, сам курашит, осмелился возразить против такого наказания, но Муслим, ударив его по животу палкой, грубо сказал: «Если ты повторишь то, что сказали эти несчастные, твоя голова тоже упадет с плеч». Тем не менее Мерван стал просить за другого курашита, не давшего клятву, который был его дальним родственником, но сирийский военачальник отказал ему. Ситуация изменилась, когда отказался дать клятву некий курашит, чья мать принадлежала к племени кинда. Один из сирийцев, принадлежавший к племени сакун (ветвь племени кинда), крикнул: «Сын нашей сестры не может дать такую клятву», и Муслим его простил.

Так арабы Сирии свели счеты с сыновьями фанатичных сектантов, которые залили Аравию кровью их отцов. Старая знать ликвидировала новоявленных выскочек. Язид, как представитель ранней мекканской аристократии, отомстил за убийство халифа Османа и поражения, которые мединцы – хотя тогда они сражались под знаменами Мухаммеда – нанесли его деду. Противодействие язычества традиционному исламу было жестоким, ужасным и неизбежным. Ансары так никогда и не оправились после этого сурового удара. Их власть была сломлена навсегда. Их почти полностью покинутый город на долгое время был предоставлен бродячим собакам, а окружающая местность – антилопам. Большинство горожан отправились на поиски новых домов и лучшей участи в дальних странах. Многие присоединились к армии в Африке. Тех, кто остался, можно было только пожалеть. Омейяды не упускали ни одной возможности выказать свое презрение и ненависть, всячески оскорбить их и унижить.

Через десять дней после битвы при Харре Хаджадж, правитель провинции, приказал заклеить многих святых старцев, бывших сподвижниками Мухаммеда. В его глазах каждый мединец был убийцей Османа. Даже если допустить, что мединцы были в нем больше замешаны, чем на самом деле, разве не было это преступление отмщено бойней при Харре и разграблением Медины? Говорят, что, покидая город, Хаджадж заявил: «Хвала Богу, что он позволил мне покинуть этот порочнейший из городов, который воздал за милость халифа предательством и бунтом. Клянусь Аллахом, если бы мой суверен не требовал во всех своих письмах, чтобы я пощадил этих преступников, я бы сровнял их город с землей». Когда об этих словах сообщили одному из старцев, которых обесчестил Хаджадж, тот сказал: «Ужасное наказание ждет его в следующей жизни. Его слова достойны фараона».

Увы, вера в то, что их угнетатели будут гореть в вечном адском пламени, стала единственной надеждой и утешением несчастных. И этому утешению они предавались со всей страстью. Пророчества сподвижников Мухаммеда, пророчества самого пророка, чудеса, сотворенные их именами, – все это они принимали с энтузиазмом и доверчивостью. Теолог Саид, присутствовавший в мечети, когда туда ворвались сирийские всадники и превратили ее в конюшню, рассказывал всем, кто соглашался его слушать, как, оставшись один в святом месте, услышал слова, идущие от могилы пророка. В грозном Муслиме из племени музайна мединцы видели самого страшного и уродливого монстра, какого только носила земля. Они верили, что он до последних дней не найдет соперника, а потом им станет человек из его же племени. Они приписывали пророку следующие слова: «Последними встанут в день воскресения двое из племени музайна. Они найдут землю пустой. Они придут в Медину и встретят там только дикого оленя. После этого два ангела спустятся с небес и бросят их ниц на землю и потащат в такой позе туда, где собрано все человечество».

Угнетенным, уязвимым, униженным мединцам оставалось только следовать примеру своих сограждан, которые вступили в армию Африки. Именно это они и сделали. Из Африки они перебрались в Испанию. Почти все потомки ансаров были в армии, с которой Муса в 712 году пересек пролив. В Испании они осели в основном на западе и востоке, где их племя стало самым многочисленным из всех. Медина больше их не знала. В XIII веке путешественник, который посетил этот город, любопытствовал, остались ли еще в нем потомки ансаров. Ему указали на пожилых мужчину и женщину.

Поэтому вполне объясним и допустим скепсис в отношении якобы славного происхождения нескольких бедных семей, живших в окрестностях Медины, которые уже в XIX веке утверждали, что ведут свой род от ансаров. Во время визита Буркхардта в 1814 году таких семей было двенадцать. В 1853 году Бертон говорит о четырех.

Но даже в Испании ансары не были защищены от ненависти сирийских арабов. Позднее мы увидим, как старая ссора вспыхнула снова на берегах Гвадалквивира, когда в Испании правил курашит, который в битве при Харре сражался в рядах мединцев, а после их поражения вступил в армию в Африке.

Однако в данный момент нам следует обратить внимание на конфликт другого рода, который также существовал на испанском полуострове. Повествуя о нем, мы снова упомянем Абдуллаха, сына Зубайра, и станет ясно, что судьба этого сподвижника Мухаммеда была не менее несчастливой, чем жителей Медины.

Глава 6

Йемениты и маадиты

За исключением антагонизма, возникающего из-за столкновения фундаментальных принципов, которые всегда были и всегда будут предметами споров человечества, ни в Европе, ни в Азии не было противостояния более упорного как среди мусульман, так и среди христиан, чем ставшего результатом расовых антипатий. Такие антипатии существовали веками, пережив все политические, социальные и религиозные революции.

Мы уже вкратце упоминали о том, что арабская раса состоит из двух отдельных и враждебных друг к другу ответвлений. Теперь мы уточним это утверждение и подробно укажем на далеко идущие последствия этого факта.

Согласно восточной традиции прослеживания корней нации до эпонимного родоначальника, представители самой древней из двух ветвей утверждают, что ведут свое происхождение от некоего Кахтана. Его арабы, познакомившись со священными текстами иудеев, идентифицировали с Йоктаном, согласно Книге Бытия, одним из потомков Сима. Потомки Кахтана, утверждают они, вторглись в Южную Аравию за много веков до начала христианской эры и покорили народ неизвестного происхождения, населявший этот регион.

Кахтанидов обычно называли йеменитами, по названию самой процветающей южной провинции – мы в дальнейшем тоже будем именовать их так.

Представители другой ветви, согласно преданиям, вели происхождение от Аднана, потомка Исмаила, и населяли более северные регионы Аравии, включая Хиджаз – провинцию, раскинувшуюся от Палестины до Йемена, в которой находятся и Мекка, и Медина, – и Неджд, обширное плато, составляющее центральную часть Аравии. Этих людей называют маадитами, низаритами, мударитами и кайситами, причем названия применяются как к отдельным племенам, так и ко всей группе в целом. Кайс – потомок Мудара, сына Низара, сына Маада. Мы будем называть их маадитами.

В европейской истории нет ничего похожего на взаимную ненависть – иногда подавленную, но чаще горящую, существующую между этими двумя группами, всегда готовыми броситься друг на друга с ножами даже по самому пустяковому поводу. Регион Дамаска, к примеру, в течение двух лет стал театром ожесточенных военных действий, потому что маадит сорвал дыню, росшую в саду йеменита. В Мурсии кровь лилась рекой семь лет, потому что маадит, проходивший мимо поля йеменита, машинально сорвал виноградный лист. Сильные расовые антипатии временами существовали и в Европе, однако они всегда были естественным следствием отношений между победителем и побежденным. В Аравии между тем ни одна раса не могла похвастать победой над другой. Это правда, что в древности маадиты Неджда признавали царя Йемена своим господином и платили ему дань, но они делали это по собственной воле. Дело в том, что какой-нибудь правитель был необходим, чтобы сохранить фанатичные орды от самоуничтожения, а вождю, избранному из одного из собственных кланов, не стал бы подчиняться ни один другой клан. Когда племена маадитов, временно объединившись под руководством того или иного вождя, восстанавливали свою независимость, что случалось отнюдь не редко, гражданская война заставляла их искать другого правителя. Вынужденные делать выбор между анархией и иностранным господством, вожди племен после длительной междоусобной борьбы собрались на совет. Они решили, что другого выхода нет – только вернуться под власть царя Йемена. Если платить ему дань баранами и верблюдами, он не позволит сильным угнетать слабых. В более поздние годы, когда Йемен был завоеван абиссинцами, маадиты Неджда были рады отдать в руки принца йеменитского происхождения – царя Хиры – умеренную власть, которая прежде принадлежала царю Йемена. Однако существует большая

разница между добровольным подчинением, как это, и покорением иностранными завоевателями.

В Европе разница языков и обычаев воздвигла непреодолимый барьер между двумя расовыми группами, которых завоевание насильно собрало на одной территории. Но в мусульманской империи все было не так. Еще задолго до Мухаммеда йеменитский или химьяритский диалект (известный только по надписям, изучение которых активизировалось в недавнее время) – смесь арабского языка с языками покоренных племен – уступил место чистому арабскому языку, на котором говорили маадиты, обеспечившие для себя своего рода интеллектуальное превосходство. Если не считать некоторых диалектальных различий, две расовые группы с тех пор говорили на одном языке. Представляется, что в мусульманских армиях маадит без труда понимал йеменита. (Только в Махре, что на крайнем юго-востоке Аравии, сохранился древний язык, едва ли понятный другим арабам.) Более того, у них были одинаковые склонности и обычаи, и подавляющее большинство обеих групп было кочевниками. Когда же ими был принят ислам, у них появилась и общая религия. Короче говоря, разница между ними была куда менее существенна, чем между разными тевтонскими племенами, когда варвары вторглись в Римскую империю. Тем не менее, хотя причин, объясняющих расовые антипатии в Европе, не было на Востоке, такие антипатии не только существовали, но и развили стойкость, неизвестную на Западе. За три или четыре сотни лет родовая вражда исчезла в Европе, но среди бедуинов кровная вражда держится уже двадцать пять веков. Ее можно проследить до самых ранних времен, и конца ей не видно до сих пор. «Родовая вражда, – пишет древний поэт, – является наследием наших предков, и пока живы их потомки, она тоже будет жить». Да и в Европе эта вражда никогда не приводила к таким злодеяниям, как на Востоке. В наших предках она никогда не подавляла самые нежные и святые чувства. Мы никогда не слышали, чтобы сын ненавидел и презирал свою мать только потому, что она не принадлежит к роду его отца. Однажды йеменита, совершавшего ритуальный обход Каабы в Мекке, спросили, почему он молится только за отца, а за мать – нет. «Молиться за мою мать? – возмущенно воскликнул он. – Как я могу за нее молиться? Ведь она – дочь Маада!»

Об этой взаимной ненависти, передающейся из поколения в поколение, несмотря на общность языка, законов, обычаев, образа мыслей и, в какой-то степени, происхождения – ведь обе расы семитские, – мы можем сказать лишь одно: ее причины объяснить невозможно; они растворены в крови. Возможно, арабы VII века так же не смогли бы объяснить истоки этой взаимной ненависти, как и более поздние их потомки. На вопрос путешественников, почему они являются заклятыми врагами кайситов (маадитов), они отвечают лишь одно: взаимная ненависть между ними существовала с глубокой древности. Э. Робинсон писал: «Ни один человек – к кому бы мы ни обращались – не смог указать на корни или природу этого явления. Все отвечали, что ненависть существует с незапамятных времен и не имеет никакого отношения к религии». Ислам не только не уменьшил это инстинктивное отвращение, но и придал ему силу и остроту. Продолжая глядеть друг на друга с открытым вызовом, йемениты и маадиты теперь были вынуждены сражаться под одними и теми же знаменами, жить бок о бок, делить плоды победы. Эта тесная связь и повседневное общение лишь вызвали новые ссоры и столкновения. Вражда приобрела интерес и важность, которых не имела, пока была ограничена никому не известным уголком Азии. В последующие годы она пропитала Испанию и Сицилию, пустыни Атласа и берега Ганга кровью. В конечном итоге эта странная антипатия определила судьбу не только покоренных наций, но также латинской и тевтонской рас в целом, поскольку только она сдержала мусульман, стремившихся к завоеваниям, когда они уже угрожали Франции и всей Западной Европе.

Хотя на всем протяжении мусульманской империи две расовые группы постоянно конфликтовали, империя была такой обширной, а сотрудничество между племенами таким несовершенным, что ни один масштабный конфликт не привел к предпрешенному концу. В каж-

дой провинции велась собственная внутренняя война, и названия противоборствующих сил – как правило, названия наиболее многочисленных местных племен – всегда были разными. В Хорасане, к примеру, йеменитов называли аздитами, а маадитов – темимитами, поскольку племена азд и темим были самыми важными. В Сирии двумя партиями были кельбиты и кайситы. Кельбиты, имевшие йеменитское происхождение, составляли большинство арабского населения. Дело в том, что при халифате Абу Бакра и Омара, когда большинство племен йеменитов мигрировали в Сирию, маадиты предпочли обосноваться в Ираке.

Кельбиты и кайситы были в равной степени связаны с Муавией, чья мудрая и осмотрительная политика установила некое подобие равновесия между ними и обеспечила его доброжелательным отношением к обеим сторонам. Но даже он, несмотря на принятие правильных мер, не мог предотвратить периодических вспышек взаимной ненависти. Во время его правления кельбиты и фезара (кайситское племя) участвовали в генеральном сражении при Банат-Кайн. Позже кайситы стали чинить препятствия, когда Муавия пожелал, чтобы они признали Язида его преемником, на основании того, что его мать была из кельбитов. Она была дочерью Малика ибн Бахдаля, вождя племени, и в глазах кайситов Язид, выросший в племени матери, был кельбитом, а не Омейядом. Как Муавии удалось справиться с их противодействием, неизвестно. Кайситы, в конце концов, признали Язида наследником престола и хранили ему верность на протяжении всего периода его правления, которое, правда, было недолгим – около трех лет. Язид умер в ноябре 683 года, через два с половиной месяца после битвы при Харре, в возрасте тридцати восьми лет. После его смерти обширная империя оказалась без хозяина. И дело не в том, что Язид умер, не оставив сына – у него их было несколько. Но только халифат являлся выборным, а не наследственным. Этот важный принцип был заложен не Мухаммедом, который так и не пришел к решению по этому вопросу, а халифом Омаром. Этому праведному халифу, в отличие от Мухаммеда, нельзя было отказать в политической прозорливости, и он являлся признанным авторитетом в области законодательства. Именно он в своем обращении, произнесенном в мечети Медины, объявил, что, если любой человек будет провозглашен сувереном без голосов всего исламского мира, такое назначение не будет иметь силы. Это правда, что применение этого принципа всегда старались обойти. Но хотя Язид сам не был всенародным избранником, его отец заранее позаботился, чтобы ему была принесена клятва, как наследнику трона. Язиду не довелось совершить такой же шаг – помешала смерть. И его старший сын, названный Муавией в честь деда, не имел реальных прав на халифат. Тем не менее не исключено, что ему удалось бы добиться признания, если бы его согласились поддержать сирийцы, творцы халифов той эпохи. Но они не согласились, и прошел слух, что сам Муавия не слишком рвется к власти. Заметим, что истинные чувства этого молодого человека остаются для нас тайной. Если верить мусульманским историкам, Муавия ни в чем не походил на отца. В его глазах правда была на стороне мединцев, и, услышав о победе при Харре, разграблении Медины и смерти сподвижников пророка, он расплакался. Но эти историки, предубежденные теологическими учениями, нередко фальсифицировали историю. Им противоречит современный испанский хронист, писавший практически под диктовку сирийцев, обосновавшихся в Испании, который заявил, что Муавия был копией своего отца. Как бы то ни было, кайситы не склонились бы перед принцем, мать и бабка которого были кельбитами, и не подчинились они кельбиту – Хасану ибн Малик ибн Бахдалю, правителю Палестины и района Иордана, который взял на себя бразды правления от имени своего внучатого племянника. Кайситы повсюду проявляли враждебность, и один из их вождей, Зофар (Зуфар) из племени килаб, даже поднял знамя восстания в районе Киннисрин, откуда изгнал кельбитского правителя Саида ибн Бахдаля. Поскольку было необходимо выдвинуть кандидата-конкурента, Зофар объявил таковым Абдуллаха ибн Зубайра, к делу которого кайситы, однако, не проявляли ни малейшего интереса. Так ортодоксальная партия получила странного союзника. Поскольку он намеревался поддержать интересы сыновей сподвижников пророка, Зофар считал своим долгом произнести

с кафедры назидательную публичную речь. Однако даже будучи неплохим оратором и поэтом – в манере арабов-язычников, – он, к сожалению, не владел религиозной тематикой и был непривычен к вкрадчивым заверениям. Он был вынужден прерваться в середине первого же предложения, а его братья по оружию встретили его речь громким смехом.

Муавия II пережил отца на сорок дней – или на два с половиной месяца – период нам точно не известен. Впрочем, это не важно. В любом случае воцарилась анархия. Жители провинций, которым надоело отношение к ним сирийцев как к покоренным народам, сбросили ярмо. В Ираке халиф – или эмир – сегодня выбирался, а завтра свергался. Ибн-Бахдаль так и не решил, объявить себя халифом или, учитывая, что его не признает никто, кроме кельбитов, объявить о своей готовности подчиниться Омейяду, избранному народом. Шансы на успех у любого отдельного человека были очень малы, и потому среди Омейядов было не так легко найти желающего стать кандидатом. Валид, сын Абу Суфьяна и бывший правитель Медины, согласился, но, когда он молился над телом Муавии II, его поразила чума, и он умер. Ибн-Бахдаль хотел бы видеть халифом Халида, брата Муавии, но тому было только шестнадцать лет, и, поскольку арабы не стали бы терпеть на месте халифа подростка, идея оказалась неприемлемой. Он обратился к Осману, бывшему правителю Медины, однако последний, считая, что дело его семьи проиграно, отказался и объявил о поддержке более удачливого Ибн-Зубайра, партия которого ежедневно увеличивалась. В Сирии все кайситы высказались за него. Заняв главенствующие позиции в Киннисрине, они вскоре стали хозяевами Палестины. Правитель Эмеса ансар Нуман ибн Башир тоже был сторонником Ибн-Зубайра. Ибн-Бахдаль, с другой стороны, мог рассчитывать только на Иордан, наименее важный из пяти регионов Сирии. Там население поклялось подчиняться ему с единственным условием – что он не отдаст халифат ни одному из сыновей Язида, которые еще слишком молоды. В самом важном сирийском регионе, Дамаске, правитель Даххак из племени фикр – то есть из курашитов окрестностей Мекки, в отличие от курашитов города, – сохранял нейтралитет. На самом деле он никак не мог принять решение. Бывший командир стражи, он был близким доверенным лицом Муавии I, и ему было трудно смириться с мекканским кандидатом. Но, будучи маадитом, он не желал иметь общих дел с вождем кельбитов. Отсюда и нерешительность. Чтобы выяснить намерения правителя и населения Дамаска, Ибн-Бахдаль послал правителю письмо, которое следовало зачитать в мечети в пятницу. В письме было много лести Омейядам и выпадов в адрес Ибн-Зубайра. Ибн-Бахдаль опасался, что губернатор откажется зачитать письмо на публике, и принял меры предосторожности. Он дал копию письма гонцу, приказав, что, если Даххак не прочитает оригинал арабам Дамаска, гонец должен был сделать это сам. Все получилось так, как он ожидал. В пятницу, когда Даххак поднялся на кафедру, он даже не упомянул о письме, которое получил. После этого гонец Ибн-Бахдаля встал и зачитал письмо людям. Едва он закончил чтение, как со всех сторон раздались крики: одни кричали, что Ибн-Бахдаль прав, другие утверждали, что он лжет. Начались беспорядки, и священная территория, которая во всех мусульманских странах служила местом политических дискуссий и религиозных церемоний, наполнилась криками – кайситы и кельбиты оскорбляли и всячески поносили друг друга. Наконец Даххаку удалось добиться молчания, и служба завершилась. Но о своем собственном мнении он так и не сказал ни слова.

Такова была ситуация в Сирии, когда солдаты Муслима вернулись домой. Но Ибн-Окба больше ими не командовал. Упомянем вкратце о событиях, которые тем временем происходили. После захвата Медины тяжелобольной Муслим, который даже не вставал во время битвы при Харре, решил больше не следовать советам своих врачей. Он считал, что покарал мятежников и теперь может спокойно умереть; а поскольку он отомстил убийцам Османа, Аллах простит ему грехи. Когда армия находилась в трех днях пути от Мекки и Муслим почувствовал, что конец близок, он послал за Хусейном, которого Язид назначил командующим на случай смерти Муслима. Хусейн был из племени сакун, а значит, как и Муслим, кельбитом; но только

последний презирал его и сомневался в его способностях и хватке. Он обратился к Хусейну с грубой прямоотой, столь характерной для него: «Ты вот-вот займешь мое место, хотя ты и ишак. Я не уверен в тебе, но воля халифа должна быть исполнена. Внемли моему совету; он тебе поможет, ведь я знаю, кто ты. Остерегайся хитростей курашитов: не слушай их льстивых речей. Помни, что, когда ты подойдешь к Мекке, тебе необходимо сделать три вещи: храбро сражаться, взять в плен жителей и вернуться в Сирию». Сказав это, он испустил последний вздох.

Хусейн, осадив Мекку, вел себя так, словно желал лишь одного – доказать, что Муслим, не доверявший ему, был не прав. Никто не упрекнул бы его в недостатке храбрости, да и религиозные соображения ему не мешали, поэтому он превзошел в поругании святыни даже самого Муслима. Его катапульты сначала метали огромные камни в Каабу и разрушили ее колонны; затем по его приказу сирийский всадник под покровом ночи метнул копье с привязанным к нему факелом в шатер Ибн-Зубайра, поставленный во дворе мечети; шатер вспыхнул, огонь перекинулся на занавесы храма, и священная Кааба, самая священная из всех мусульманских святынь, сгорела дотла. Заметим, что есть и другие версии причин пожара. Мы привели самую раннюю, представляющуюся наиболее достоверной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.